

Жорж Сименон

Мегрэ и старики

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

Стоял удивительный месяц май, какие выдаются лишь два-три раза в жизни, когда ослепительно светит солнце, когда все вокруг радуется взору, а воздух напоен воспоминаниями о детстве. Мегрэ называл его месяцем благодати, ибо он напоминал комиссару и его первое причастие, и первую весну в Париже, когда все было еще для него внове, все полно чудес.

На улице, в автобусе, в своем кабинете ему доводилось застывать на месте под впечатлением от отдаленного звука, дуновения теплого ветерка, светлого пятна корсажа, переносивших его на двадцать, а может быть, тридцать лет назад.

Накануне, когда они собирались на обед к семейству Пардонов, жена вдруг спросила его, слегка покраснев:

- А не смешно ли я выгляжу в мои-то годы в этом цветастом платье?

В тот вечер их друзья Пардоны против обыкновения пригласили супругов Мегрэ не к себе домой, а в небольшой ресторан на бульваре Монпарнас, где они вчетвером обедали на террасе.

Мегрэ и его супруга молча обменялись заговорщическими взглядами, так как лет тридцать тому назад на этой самой террасе они впервые пообедали вдвоем.

- Есть у них баранье рагу?

Хозяйка заведения переменилась, но в меню по-прежнему было рагу из баранины, над столиками все так же криво висели лампы, по углам стояли растения в кадках и шавиньоль в графинах на столиках.

Всем было весело. За кофе Пардон достал из кармана журнал в белой обложке:

- Послушайте, Мегрэ, о вас тут пишут в "Ланцете".

Мегрэ, знавший по названию этот очень известный и серьезный английский медицинский журнал, нахмурился.

- Они пишут о вашей профессии вообще. Статья подписана неким доктором Ричардом Фоксом, я вам сейчас переведу более или менее дословно отрывок, который будет вам интересен. "Осведомленный психиатр, опираясь на свои научные познания и свой врачебный опыт, в состоянии хорошо понимать людей. Однако бывает и так, что, увлекшись теорией, он понимает их хуже, чем способный школьный учитель, писатель или даже полицейский".

Какое-то время они поговорили об этом то в шуточном, то в более серьезном тоне. Потом супруги Мегрэ проделали часть пути домой пешком по утихим улицам.

В то время комиссар еще не подозревал, что эти слова лондонского врача будут неоднократно приходить ему в голову в течение ближайших дней и что воспоминания, навеянные сказочным месяцем маем, окажутся чуть ли не дурным предзнаменованием. На следующий день в автобусе, увозившем его в Шатле, он еще рассматривал лица пассажиров с таким же любопытством, как когда был новичком в столице.

Ему было также любопытно подниматься по лестнице в здание уголовной полиции в качестве дивизионного комиссара, отвечая на почтительные приветствия сослуживцев. А давно ли он, взволнованный, впервые вошел в это учреждение, руководители которого казались ему легендарными личностями?

На душе у него было и легко, и немного грустно.

Открыв окно, он просмотрел почту и вызвал молодого Лапуэнта, чтобы дать ему указания.

За двадцать пять лет Сена ничуть не изменилась: все так же проплывали по ней лодки, а рыбаки с удочками стояли на тех же самых местах, как будто никуда и не уходили.

Попыхивая трубкой, комиссар наводил порядок у себя в кабинете, освобождая его от завершенных дел и уничтожая дела незначительные, когда зазвонил телефон.

- Вы можете зайти ко мне на минутку, Мегрэ? - спросил директор.

Мегрэ неспешно направился в кабинет шефа.

- Мне только что позвонили с набережной Орсе по любопытному поводу. Не сам министр иностранных дел, разумеется, а начальник его кабинета. Меня попросили срочно прислать к ним человека, наделенного полномочиями принимать решения. Так мне было сказано. "Может, инспектора?" - спросил я. "Желательно кого-нибудь рангом повыше. Вероятно, здесь речь идет о преступлении".

Мужчины переглянулись без намека на иронию во взгляде, так как оба не любили иметь дело с министерствами, а тем более с таким высокопоставленным, как министерство иностранных дел.

- Вот я и подумал, что, может быть, вы сами туда отправитесь...

- Наверное, придется мне...

Директор взял со стола лист бумаги и протянул его Мегрэ:

- Вам нужно спросить месье Кромьера. Он вас ждет.

- Это начальник кабинета?

- Нет. Это человек, занимающийся этим делом.

- Мне взять с собой инспектора?

- Ничего не знаю, кроме того, что я вам уже сказал. Эти люди любят тайны.

Мегрэ все же позвал с собой Жанвье, и они сели в такси. На набережной Орсе их направили не к главной лестнице, а к узенькой в глубине двора, по которой они протискивались словно между кулисами в театре. Поблуждав по коридорам, они обнаружили приемную, и там вахтер, никак не отреагировав на фамилию Мегрэ, заставил его заполнить карточку.

Наконец их провели в какой-то кабинет, где одетый с иголки молодой чиновник неподвижно и молчаливо сидел напротив такой же бесстрастной пожилой дамы.

Складывалось впечатление, что они, вероятно, сидят так с тех пор, когда с набережной Орсе позвонили в уголовную полицию.

- Комиссар Мегрэ?

Комиссар представил Жанвье, которого молодой человек удостоил лишь беглым взглядом.

- Не зная, в чем здесь дело, я на всякий случай захватил одного из своих инспекторов...

- Садитесь.

Кромьер заботился прежде всего о том, чтобы напустить на себя важный вид, и говорил он с такой снисходительностью, какая присуща чиновникам его ведомства.

- Если уж с набережной Орсе обратились непосредственно в уголовную полицию, - он произнес слово "набережная" так, будто речь шла о чем-то священном, - значит, господин комиссар, дело не совсем обычное...

Наблюдая за ним, Мегрэ держал в поле зрения и пожилую даму, должно быть глухую на одно ухо, так как она вытягивала шею, чтобы лучше слышать, и в то же время следила за движением губ.

- Мадемуазель... - Кромьер заглянул в одну из карточек у себя на столе. - Мадемуазель Ларрье - служанка, вернее, гувернантка в доме одного из наших старейших и наиболее заслуженных послов, графа де Сент-Илера, о котором вы наверняка слышали...

Мегрэ помнил это имя, потому что встречал его в газетах, но это, как ему казалось, было слишком давно.

- Выйдя в отставку лет двенадцать тому назад, граф де Сент-Илер жил в Париже в своей квартире на улице Сен-Доминик. Сегодня в половине девятого мадемуазель Ларрье явилась сюда, и ей пришлось подождать какое-то время, пока ее смог принять ответственный работник.

Мегрэ представил себе пустые кабинеты в половине девятого утра и пожилую даму, неподвижно сидящую в приемной, устремив взгляд на входную дверь.

- Мадемуазель Ларрье на службе у графа де Сент-Илера уже больше сорока лет.

- Сорок шесть, - уточнила она.

- Пусть так. Она была рядом с ним на всех его постах и вела домашнее хозяйство. Последние двенадцать лет она была единственной, кто жил в его квартире на улице Сен-Доминик. И вот сегодня, найдя пустой спальню, куда она принесла завтрак своему хозяину, она обнаружила его мертвым у него в кабинете.

Старая дама смотрела на них по очереди пронизательным и недоверчивым взглядом.

- По ее словам, Сент-Илер получил одно или несколько пулевых ранений.

- Она не обращалась в полицейский участок?

Белокурый молодой человек напустил на себя важный вид:

- Я понимаю ваше удивление. Но не забывайте, что мадемуазель Ларрье большую часть своей жизни прожила в дипломатической среде. И хотя граф уже не состоял на дипломатической службе, она все же подумала, что в нашей профессии есть определенные правила сохранения тайны...

Мегрэ подмигнул Жанвье.

- И ей не пришло в голову вызвать врача?

- Дело в том, что смерть не вызывала никакого сомнения.

- Есть сейчас кто-нибудь на улице Сен-Доминик?

- Никого. Мадемуазель Ларрье пришла прямо сюда. Во избежание недоразумений и потери времени я уполномочен заявить вам, что граф Сент-Илер не владел никакими государственными тайнами и причину его смерти не нужно искать в политике. Тем не менее надо действовать очень осторожно. Когда речь идет об известном человеке, особенно если он служил в нашем ведомстве, газеты всегда стремятся поднять шум и высказывают самые несуразные предположения... - Молодой человек встал из-за стола. - Если вам угодно, сейчас мы поедем туда.

- И вы тоже? - простодушно спросил Мегрэ.

- Не бойтесь. Я не собираюсь вмешиваться в ваше расследование. Я поеду с вами только для того, чтобы убедиться, что там нет ничего, что могло бы вам помешать.

Пожилая дама тоже встала, и все четверо спустились по лестнице.

- Нам лучше взять такси, чтобы не привлекать внимания к лимузину министерства...

Ехать было совсем недалеко. Автомобиль остановился перед величественным зданием конца XVIII века, перед которым не было никакого скопления людей, даже ни одного зеваки. Под аркой было прохладно, а в помещении, больше похожем на гостиную, чем на привратническую, восседал швейцар в униформе, такой же важный, как вахтер в министерстве.

Они поднялись на четыре марша по лестнице слева.

Лифт в холле из темного мрамора бездействовал. Старая служанка достала из сумочки ключ и открыла дверь орехового дерева:

- Сюда...

Она повела их по коридору до комнаты, на окнах которой, выходящих во двор, были закрыты ставни и шторы, щелкнула выключателем, и у письменного стола на красном ковре все увидели распростертое тело.

Мужчины сняли шляпы, а старая служанка вызывающе посмотрела на них. "Ну что я вам говорила?" - казалось, брюзжала она.

Не было нужды наклоняться над телом, чтобы убедиться в том, что граф де Сент-Илер мертв. Одна из пуль вошла в правый глаз и разворотила ему череп, а судя по дыркам на черной бархатной домашней куртке и по пятнам крови, еще несколько пуль поразили тело в разных местах.

Кромьер первым подошел к письменному столу:

- Посмотрите, кажется он занимался правкой гранок...

- Он писал книгу?

- Да, мемуары. Два тома уже вышли. Было бы нелепо усматривать в этом причину его смерти, так как Сент-Илер был человеком необыкновенно сдержанным, а его мемуары представляли собой скорее художественное, чем политическое произведение.

Кромьер разглагольствовал, слушал сам себя, и это начинало раздражать Мегрэ. Они вчетвером стояли в комнате с закрытыми ставнями и смотрели на труп старика, покрытый пятнами крови, в десять часов утра, когда за стенами ярко сияло солнце.

- Я полагаю, - пробурчал комиссар не без издевки, - что это дело касается прокуратуры?

В кабинете был телефонный аппарат, но Мегрэ не захотел к нему прикасаться.

- Жанвье, сходи позвони из привратнической и сообщи об этом деле в прокуратуру и районному комиссару полиции...

Старуха переводила взгляд с одного на другого, как будто ей было дано задание следить за ними. Ее глаза смотрели жестко, в них не было ни симпатии, ни человеческой теплоты.

- Что вы делаете? - спросил Мегрэ, когда молодой человек с набережной Орсе открыл дверцы книжного шкафа.

- Я только взгляну... - И он добавил с самоуверенностью, неприятной в устах человека его возраста:

- Моя миссия состоит в том, чтобы удостовериться, нет ли здесь документов, разглашение которых было бы нежелательным...

Был ли он так молод, как выглядел? В каком отделе министерства он состоял на службе? Не дожидаясь разрешения комиссара, он стал осматривать содержимое шкафа, открывать папки и потом ставить их на место.

Все это время Мегрэ нетерпеливо и нервно ходил взад-вперед.

Кромьер перешел к другим предметам обстановки, выдвигал разные ящики, а старая дама так и стояла у двери в шляпе и с сумочкой в руках.

- Будьте добры, проводите меня в его спальню.

Она пошла впереди человека из министерства, а Мегрэ остался в кабинете, куда вскоре вернулся Жанвье.

- Где они?

- В спальне...

- Что мы будем делать?

- Пока ничего. Я жду, когда этот господин уступит нам место.

Не только он раздражал Мегрэ, но и тот оборот, который принимало дело, а особенно, может быть, та враждебная атмосфера, в которую он вдруг окунулся.

- Комиссар полиции будет здесь с минуты на минуту.

- Ты сказал ему, в чем здесь дело?

- Нет, я только попросил его привезти с собой врача.

- А в отдел установления личности позвонил?

- Да, Мере со своими людьми уже выезжает.

- А в прокуратуру?

- Да, позвонил.

Кабинет был просторный и уютный. Хотя в нем не было ничего особенного, здесь чувствовался утонченный вкус, поразивший Мегрэ, как только он сюда вошел. Каждый предмет обстановки, каждая вещь были хороши сами по себе. И лежащий на полу старик с почти напрочь снесенной макушкой сохранял среди всего этого величественный вид.

Вернулся Кромьер в сопровождении старой служанки:

- Думаю, мне здесь делать больше нечего. Еще раз напоминаю вам, что необходимо быть осторожным и благоразумным. Тут не может быть и речи о самоубийстве, ведь в комнате нет никакого оружия. Вы со мной согласны? Вам нужно выяснить, была ли кража. Во всяком случае, будет очень нежелательно, если пресса поднимет шум вокруг этого дела...

Мегрэ молча смотрел на него.

- Если хотите, я вам позвоню, чтобы узнать новости, - продолжал молодой человек. - Возможно, вам понадобятся какие-нибудь сведения, тогда обращайтесь ко мне.

- Благодарю вас.

- В одном из комодов в спальне вы найдете письма, которые наверняка вас удивят. Это старая история, которую знают все на набережной Орсе, но она не имеет никакого отношения к сегодняшней трагедии. - Он уходил с явной неохотой. - Я полагаюсь на вас...

Старуха Ларрье пошла закрыть за ним дверь и вернулась уже без шляпы и сумочки. Она пришла не предложить комиссару свои услуги, а скорее следить за полицейскими.

- Вы ночуете в этой квартире?

Когда Мегрэ заговорил с ней, она не смотрела на него и, по-видимому, ничего не услышала. Тогда он повторил вопрос погромче. На этот раз она наклонила голову, повернув к нему здоровое ухо.

- Да, у меня есть маленькая комнатка рядом с кухней.

- А есть в доме другие слуги?

- Здесь нет.

- Вы занимаетесь уборкой и готовите еду?

- Да.

- Сколько вам лет?

- Семьдесят четыре.
- В котором часу вы видели хозяина последний раз вчера вечером?
- Около десяти.
- Он был в своем кабинете?
- Да.
- Он никого не ждал?
- Мне он ничего не сказал.
- А к нему кто-нибудь приходил иногда вечером?
- Да, его племянник.
- Где он живет?
- На улице Жакоб. Он антиквар.
- Его фамилия тоже Сент-Илер?
- Нет, это сын сестры хозяина. Его фамилия Мазерон.
- Ты записываешь, Жанвье?
- Утром, когда вы обнаружили труп... Вы ведь обнаружили его утром?
- Да, в восемь часов.
- Вам не пришло в голову позвонить месье Мазерону?
- Нет.
- А почему?

Она не ответила. Ее глаза, как у некоторых птиц, неподвижно смотрели в одну точку.

- Вы его недолюбливали?
- Кого?
- Мазерона.
- Это меня не касается.

Мегрэ понимал, что говорить с ней будет нелегко.

- Что вас не касается?
- Семейные дела.
- Племянник и дядя не ладили между собой?
- Я этого не говорила.
- Они друг друга понимали?
- Не знаю.
- Что вы делали вчера в десять вечера?
- Пошла к себе спать.
- А в котором часу вы встали сегодня?
- В шесть, как обычно.
- И вы не заходили в эту комнату?
- Мне нечего здесь было делать.
- Дверь кабинета была закрыта?
- Если бы она была открыта, я бы сразу заметила, что здесь что-то произошло.
- Почему?
- Потому что горели лампы.

- Как сейчас?
- Нет, люстра не горела, только настольная лампа и торшер в углу.
- Что вы делали с шести утра?
- Сначала умылась.
- А потом?
- Потом прибрала в кухне и пошла покупать круассаны.
- В квартире никого не было в это время?
- Как всегда по утрам.
- А дальше?
- Я приготовила кофе, позавтракала, а потом пошла с подносом в спальню.
- Постель была разобрана?
- Нет.
- Вчера вечером, когда вы отправились спать, на хозяйне была эта же черная домашняя куртка?
- Как всегда по вечерам, если он никуда не уходил.
- А часто он уходил?
- Он любил ходить в кино.
- У него бывали друзья?
- Почти нет. Изредка он ходил пообедать в городе.
- Вы знаете по имени людей, с которыми он встречался?
- Это меня не касается.

В дверь позвонили. Это были районный комиссар и его секретарь. Он посмотрел на письменный стол, потом на старуху, наконец, на Мегрэ и поздоровался с ним за руку:

- Как это вы оказались здесь раньше нас? Это она вам позвонила?
- Ничего подобного. Она отправилась на набережную Орсе. Вы знали жертву?
- Да, это бывший посол, так ведь? Я знаю его по имени и в лицо. По утрам он прогуливался по улицам квартала. Кто это сделал?
- Пока ничего не известно. Я жду людей из прокуратуры.
- Врач вот-вот приедет...

Никто не прикасался к мебели и к вещам. Всеми владело чувство какого-то неудобства, и облегчение наступило, когда появился врач, который присвистнул, склонившись над телом:

- Полагаю, я не могу его перевернуть до прибытия фотографов?
- Даже не прикасайтесь к нему... Вы можете примерно сказать, в котором часу наступила смерть?
- Довольно давно... На первый взгляд часов десять тому назад... Любопытно...
- Что любопытно?

- Похоже, что в него выпустили по меньшей мере четыре пули... Одну сюда... Другую сюда... - Встав на колени, он осматривал тело вблизи. - Не знаю, что скажет об этом судебно-медицинский эксперт, но я не удивлюсь, если окажется, что он был убит наповал первой же пулей. Несмотря на это, в него продолжали стрелять. Но это всего лишь мое предположение...

Не прошло и пяти минут, как квартира заполнилась людьми. Из прокуратуры приехали помощник прокурора Паскье и следователь Юрбен де Шезо, которого Мегрэ знал мало. С ними был доктор Тюдель. Следом появились люди из отдела установления личности со своей громоздкой аппаратурой.

- Кто обнаружил тело?

- Служанка.

Мегрэ показал на старуху, которая без видимых эмоций продолжала следить за каждым их движением и жестом.

- Вы ее допросили?

- Нет еще, я только обменялся с ней несколькими фразами.

- Она что-нибудь знает?

- Если и знает, то будет не просто заставить ее говорить.

Он рассказал, что произошло в министерстве иностранных дел.

- Была кража?

- На первый взгляд - нет. Я жду, пока люди из отдела установления личности закончат свою работу, чтобы убедиться в этом.

- Есть родственники?

- Племянник.

- Ему сообщили?

- Пока нет. Пока здесь люди работают, я хочу пойти сам известить его. Он живет в двух шагах отсюда, на улице Жакоб.

Мегрэ мог бы позвонить антиквару и попросить его прийти, но он предпочитал встретиться с ним в его стихии.

- Если я вам пока не нужен, то я отлучусь ненадолго. А ты, Жанвье, оставайся здесь...

Какое это было облегчение снова увидеть лучи солнечного света, заливающего деревья на бульваре Сен-Жермен! Воздух был теплым, женщины одеты в светлые одежды, поливальная машина орошала половину проезжей части.

Он без труда нашел на улице Жакоб антикварный магазин, одна из витрин которого была заполнена старинным оружием, в особенности саблями. Он толкнул дверь, звякнул колокольчик, и спустя две-три минуты из темноты вынырнул хозяин.

Поскольку дяде было семьдесят семь лет, Мегрэ не рассчитывал, что племянник будет очень молод. Но каково же было его удивление, когда он увидел перед собой старика.

- Что вам угодно?

У него было вытянутое бледное лицо, кустистые брови, почти лысый череп, а в своей просторной одежде он выглядел более тощим, чем на самом деле.

- Вы месье Мазерон?

- Да, Ален Мазерон.

Внутри магазин был тоже загроможден оружием: мушкеты, мушкетоны, а в глубине даже двое рыцарских доспехов.

- Я комиссар Мегрэ из уголовной полиции.

Сдвинув брови, Мазерон попытался сообразить.

- Вы племянник графа де Сент-Илера, так ведь?

- Да, он мой дядя. А в чем дело?

- Когда вы видели его последний раз?

Он ответил без колебаний:

- Позавчера.

- У вас есть семья?

- Да, у меня есть жена и дети.
- Когда вы видели своего дядю позавчера, он выглядел нормально?
- Да. Он даже был весел. А почему вы меня об этом спрашиваете?
- Потому что он мертв.

Мегрэ уловил в глазах своего собеседника такую же подозрительность, как у старой служанки.

- Несчастный случай?
- В некотором роде...
- Что вы хотите этим сказать?
- Что его убили прошлой ночью у него в кабинете несколькими пулями, выпущенными из револьвера или автоматического пистолета.

Лицо антиквара выражало недоверие.

- Вы не знаете, есть ли у него враги?
- Нет... наверняка нет...

Если бы Мазерон ограничился словом "нет", Мегрэ это не насторожило бы. А вот "наверняка нет", прозвучавшее как уточнение, заставило его держать ухо востро.

- У вас нет подозрения, кто мог бы быть заинтересован в смерти вашего дяди?
- Нет... Никакого подозрения...
- У него было состояние?
- Довольно маленькое... Он жил в основном на свою пенсию...
- Он заходил сюда?
- Иногда...
- Пообедать или поужинать по-семейному?

Мазерон выглядел рассеянным, отвечал еле слышно, и казалось, что он думает о чем-то другом.

- Нет... Он заходил утром во время прогулки...
 - Он заходил поболтать с вами?
 - Да... Он приходил, присаживался ненадолго...
 - А вы к нему ходили?
 - Время от времени...
 - Вместе с семьей?
 - Нет...
 - Вы сказали, что у вас есть дети?
 - Двое!.. Две дочери...
 - Вы живете в этом же доме?
 - Да, на втором этаже... Старшая из моих дочерей сейчас в Англии... А младшая, Марсель, живет с матерью...
 - Вы не живете со своей женой?
 - Да, уже несколько лет...
 - Вы разведены?
 - Нет... Все это так сложно... Может, мы пойдем в дом дяди?
- Он ушел за шляпой в полутьму задней комнаты, потом повесил на дверь табличку "Закрето", запер ее на ключ и пошел по тротуару вслед за Мегрэ.
- Вы знаете, как это произошло? - спросил он.

- Я не знаю почти ничего.
- Там была кража?
- Не думаю. В квартире нет беспорядка.
- А что говорит Жакетта?
- Вы имеете в виду служанку?
- Да... Ее так зовут... Не знаю, как по документам, но в доме ее называли Жакетта...
- Вы ее недолюбливаете?
- Почему вы об этом спрашиваете?
- Потому что, мне кажется, она недолюбливает вас.
- Она не любит никого, кроме моего дяди. Если бы это зависело только от нее, никто никогда не переступил бы порог его квартиры.
- Как вы думаете, она была бы способна его убить?

Мазерон удивленно посмотрел на него:

- Она? Убить его?
- Было похоже, что эта мысль казалась ему в высшей степени нелепой. Однако вскоре он стал размышлять.
- Нет! Это невозможно...
 - Но вы какое-то время колебались.
 - Это из-за ее ревности...
 - Вы хотите сказать, что она его любила?
 - Она не всегда была старухой...
 - Вы полагаете, что между ними...
 - Это вероятно... Я не решился бы присягнуть... От такого человека, как мой дядя, трудно что-либо узнать... Вы уже видели фотографии Жакетты в молодости?
 - Я еще ничего не видел.
 - Увидите... Все это очень сложно... Особенно то, что это происходит как раз сейчас...
 - Что вы хотите этим сказать?

Ален Мазерон посмотрел на Мегрэ с унылым выражением во взгляде:

- Сам не знаю... Вы нашли письма?
- Я только начинаю расследование.
- У нас сегодня среда?

Мегрэ кивнул.

- Это как раз день похорон...
- ЧЬИХ?
- Принца де В. Вы все поймете, когда прочтете письма...

Когда они пришли на улицу Сен-Доминик, машина отдела установления личности отъезжала, и Мере помахал Мегрэ рукой.

Глава 2

- О чем вы думаете, шеф?

Жанвье не ожидал, что этот вопрос, который он задал-то только для того, чтобы нарушить затянувшееся молчание, вызовет такую реакцию. Можно было подумать, что слова не доходили сразу до мозга Мегрэ, что ему нужно было сначала упорядочить звуки, прежде чем осознать смысл сказанного.

Комиссар смотрел на своего подчиненного широко раскрытыми глазами и с таким выражением лица, как будто он только что позволил раскрыть одну из своих тайн.

- Об этих людях... - пробормотал он.

Разумеется, он имел в виду не тех людей, которые обедали вокруг них в ресторане на улице Бургонь, а других, о которых он накануне ничего не знал, а сегодня должен был раскопать их тайную жизнь.

Всякий раз, когда Мегрэ покупал костюм, пальто или ботинки, он сначала по вечерам ходил в них с женой на прогулку или в кино.

"Мне нужно к ним привыкнуть..." - говорил он мадам Мегрэ, которая беззлобно подшучивала над ним.

То же самое бывало, когда он приступал к новому расследованию. Его сотрудники не замечали этого из-за его внушительной фигуры и выражения спокойствия на лице, которое все принимали за уверенность в себе.

На самом деле он переживал более или менее продолжительный период колебаний, беспокойства, может, даже робости.

Ему нужно было привыкнуть к чужому дому, образу жизни, к людям, у которых были свои привычки, свой образ мыслей, своя манера их излагать.

А в этом случае была еще одна дополнительная сложность. Сегодня утром ему пришлось вступить в общение со средой не только довольно замкнутой, но с такой, которая из-за его детских впечатлений представлялась ему живущей в другом измерении.

Он понимал, что за все время, проведенное на улице Сен-Доминик, он ни разу не проявил своей обычной непринужденности, чувствовал себя неловко, вопросы задавал невпопад. Заметил ли это Жанвье?

Если и заметил, то он никак не мог связать это с далеким прошлым Мегрэ, с теми годами, что он прожил под сенью замка, где управляющим был его отец и чьи хозяева, граф и графиня де Сен-Фиакр, казались юному Мегрэ людьми особого рода.

Мегрэ и Жанвье выбрали для обеда этот ресторан на улице Бургонь из-за его террасы. Они быстро сообразили, что здешние завсегдатаи - это служащие расположенных поблизости министерств, президентского совета и офицеры в штатском из министерства обороны.

Это были не простые служащие. Все они занимали по меньшей мере посты начальников отделов, и Мегрэ поражало то, что они так молоды. Кое-кто из них узнал его и потихоньку говорил о нем, раздражая комиссара своей осведомленностью и напускной ироничностью.

А люди с набережной Орфевр, тоже государственные служащие, производили такое же впечатление чиновников, знающих ответы на все вопросы?

Об этом и многом другом размышлял комиссар, когда Жанвье отвлек его от мыслей и об утре, проведенном на улице Сен-Доминик, и об убийстве семидесятисемилетнего графа Армана де Сент-Илера, долгое время работавшего послом, и о странной Жакетте Ларрье, с ее маленькими глазками, следящими за движением его губ, и, наконец, об Алене Мазероне, бледном и вялом, живущем в одиночестве на улице Жакоб среди сабель и доспехов.

Какие же слова употребил английский медик в статье из журнала "Ланцет"? Мегрэ не мог их припомнить.

В общем речь шла о том, что талантливый школьный учитель, писатель, полицейский лучше, чем врач или психиатр, могут проникнуть в глубину человеческой души.

А почему полицейский стоит на последнем месте - после школьного учителя и даже после писателя?

Это его немного задевало. Ему хотелось немедленно опровергнуть утверждение автора статьи, заявить, что в этом деле он не последняя спица в колесе.

Они начали обед со спаржи, потом им принесли жареного ската. Небо над ними было по-прежнему безоблачным, прохожие на улице были одеты во все светлое.

Прежде чем отправиться на обед, Мегрэ и Жанвье провели полтора часа в квартире убитого и немного с ней освоились.

Тело увезли в Институт судебной экспертизы, и доктор Тюдель производил его вскрытие. Чиновники из прокуратуры и отдела опознаний уже уехали. Со вздохом облегчения Мегрэ раздвинул шторы, открыл ставни, и солнечный свет вернул свой привычный вид мебели и вещам, находившимся в кабинете. Комиссара уже не волновало то, что накануне Жакетта и племянник ходили за ним по пятам, присматривались к его жестам и выражению лица. Время от времени он оборачивался к ним и задавал вопросы.

Наверняка им было странно видеть, как он ходит взад-вперед, ни на чем не задерживая внимания, как будто осматривая сдаваемую внаем квартиру.

Кабинет, в котором было так душно утром при искусственном освещении, интересовал его больше всего, и он неоднократно заходил туда с каким-то никому не понятным удовольствием, так как это была самая уютная комната из всех, какие ему доводилось видеть.

В комнате был высокий потолок, и освещалась она через застекленную дверь, выходящую на крыльцо из трех ступенек, ведущее в настоящий сад, на ухоженный газон, где росла огромная липа среди каменных джунглей.

- Кому принадлежит этот сад? - спросил комиссар.

На этот вопрос ответил Мазерон:

- Моему дяде.

- И никакому другому съемщику?

- Нет. Весь дом принадлежал ему. Он здесь родился. Его отец, владевший значительным состоянием, занимал первый и второй этажи. А когда он умер, к тому времени умерла и мать, он оставил себе только эту квартиру и сад.

Как раз эта подробность и оказалась особо значимой. Не странно ли, что человек, родившийся в Париже семьдесят семь лет тому назад, жил еще в своем родном доме?

- А когда он уезжал послом за границу?

- Он запирает квартиру на ключ и возвращался сюда во время отпуска. Что бы там ни думали, он не получал от дома почти никакого дохода. Большинство съемщиков живет здесь так давно, что платит просто смешные цены, а в некоторые годы, учитывая репарации и налоги, мой дядя сам платил за них.

Комнат было немного. Кабинет служил гостиной, напротив кухни располагалась столовая, а на улицу выходили окна спальни и ванной комнаты.

- Где вы спите? - спросил Мегрэ у Жакетты.

Она попросила его повторить вопрос, и он подумал, что у нее это мания.

- За кухней.

В самом деле, Мегрэ обнаружил там что-то вроде кладовки, в которой стояли железная кровать, шкаф и умывальник. Большое распятие из черного дерева висело над кропильницей, украшенной веточкой самшита.

- Граф де Сент-Илер был набожным человеком?

- Он никогда не пропускал воскресную мессу, даже когда работал в России.

Больше всего Мегрэ поражало впечатление какой-то особенной гармонии, утонченность вкуса во всем.

Мебель была разнотильная, хозяину не приходило в голову создавать ансамбль. Но каждый предмет обстановки был хорош сам по себе, у каждого был свой неповторимый облик.

Почти вся поверхность письменного стола была покрыта книгами, другие книги в белых и желтых обложках стояли на стеллажах в коридоре.

- Окно было закрыто, когда вы обнаружили труп?

- Да, его открыли вы. Я даже не раздвигала шторы.

- А окно в спальне?

- Оно тоже было закрыто. Господин граф не любил холода.

- У кого были ключи от квартиры?

- Только у него и у меня.

Жанвье допросил привратника. Калитка в монументальных воротах была открыта до полуночи. До этого времени привратник никогда не ложился спать. Иногда ему случалось быть у себя в комнате за привратницей, откуда не было видно всех входящих и выходящих.

Накануне он не заметил ничего необычного. В доме было спокойно, неустанно повторял он. За тридцать лет его работы сюда ни разу не заходила полиция.

Было еще преждевременно восстанавливать то, что произошло прошлым вечером или ночью. Нужно было дождаться заключения судебного врача, а также Мерса и его сотрудников.

Ясно было одно: Сент-Илер не ложился спать. На нем были темно-серые брюки в узкую полоску, накрахмаленная белая рубашка, галстук-бабочка в горошек и, как всегда, когда он оставался дома, черная бархатная куртка.

- Ему часто приходилось засиживаться допоздна?

- Смотря что вы понимаете под словом "допоздна".

- В котором часу он ложился спать?

- Я всегда ложилась раньше его.

Ее ответы выводили комиссара из себя. Самые банальные вопросы она воспринимала с подозрительностью и редко отвечала на них прямо.

- Вы не слышали, выходил ли он из кабинета?

- Пойдите в мою комнату, и вы убедитесь, что там ничего не слышно, кроме шума лифта за стенкой.

- Чем он занимался по вечерам?

- Читал. Писал. Правил гранки своей книги.

- Он ложился около полуночи?

- По-разному: иногда чуть раньше, иногда позже.

- А в это время ему не приходилось звать вас, чтобы попросить о чем-нибудь?

- О чем это?

- Ну, к примеру, подать ему какое-нибудь питье перед сном...

- Никогда. Впрочем, у него был свой бар...

- Что он пил?

- За обедом вино, красное бордоское. А вечером стаканчик водки...

На столе нашли пустой стакан, и люди из отдела установления личности увезли его для снятия отпечатков пальцев.

Если у старика кто-то был, то он не предлагал гостю выпить, так как второго стакана не обнаружили.

- У графа было огнестрельное оружие?

- Да, охотничьи ружья. Они стоят в стенном шкафу в коридоре.

- Он был охотником?

- Ему приходилось охотиться, когда его приглашали в какой-нибудь замок.

- А не было у него пистолета или револьвера?

Она снова нахмурилась, зрачки ее сузились, как у кошки, глаза смотрели неподвижно, ничего не выражая.

- Вы расслышали мой вопрос?

- Что вы спросили?

Мегрэ повторил.

- Мне кажется, у него был револьвер.

- С барабаном?

- Что вы называете барабаном?

Он попытался ей объяснить. Нет, барабана не было.

Это было плоское оружие синеватого цвета и с коротким стволом.

- Где он его хранил?

- Не знаю. Последний раз я видела его в ящике комода.

- У него в спальне?

Она поднялась, чтобы показать ему ящик, в котором лежали носовые платки, носки и подтяжки разного цвета. В других ящиках были аккуратно разложены рубашки, трусы, а в самом низу - белье для ношения под смокингом или костюмом.

- Когда вы последний раз видели пистолет?

- Уже давно.

- Примерно сколько лет назад?

- Не помню. Время летит так быстро...

- Вы видели его только в комод?

- Да. Но может, он перекладывал его в ящик письменного стола. Я никогда не открывала эти ящики, да он и запирает их на ключ.

- Почему запирает их на ключ? Он вам не доверял?

- Не думаю.

- А кому же?

- А вы сами ничего не запираете на ключ?

В самом деле, они нашли красивый бронзовый ключ, который подходил к ящикам письменного стола в стиле ампира. В них не оказалось ничего интересного, только мелкие бесполезные предметы, например: пустые старые кошельки, два-три янтарных мундштука в золотой оправе, прибор для обрезки сигар, кнопки и разноцветные карандаши.

В другом ящике хранилась почтовая бумага с короной, конверты, визитные карточки, клей и перочинный нож со сломанным лезвием. Дверцы одного из книжных шкафов изнутри были оклеены зеленой тканью.

Внутри шкафа были не книги, на всех полках лежали аккуратно перевязанные пачки писем, и на каждой из них была бумажка с указанием даты.

- Это о них вы говорили мне недавно? - спросил Мегрэ у Алена Мазерона.

Тот кивнул.

- И вы знаете, от кого они?

Мазерон снова кивнул.

- Ваш дядя вам о них говорил?

- Я не знаю, говорил ли он мне о них, но об этом знали все.

- Кто эти все?

- Люди из дипломатического мира, из светских кругов...

- Вам доводилось читать какие-нибудь из этих писем?

- Никогда.

- Вы можете оставить нас и заняться обедом? - сказал Мегрэ Жакетте.

- Вы думаете, я смогу есть в такой день?

- И все же оставьте нас одних. Вы наверняка найдете себе какое-нибудь занятие.

Ей явно не хотелось оставлять их наедине. Несколько раз он заметил гневные взгляды, которые она бросала на него украдкой.

- Вы меня поняли?

- Я знаю, что меня это не касается, но...

- В чем дело?

- Чужая переписка - это святое.

- Даже если она поможет нам найти убийцу?

- Она вам ни в чем не поможет.

- Вы, вероятно, мне скоро понадобится. А пока...

Он посмотрел на дверь, и Жакетта неохотно ушла. Ее бы, наверное, возмутило, если бы она увидела, как Мегрэ усаживается за письменный стол на место графа де Сент-Илера, а Жанвье раскладывает перед ним письма.

- Садитесь, - сказал он Мазерону. - Вы знаете, от кого эти письма?

- Да. Вы сейчас, конечно, увидите, что все они подписаны "Изи".

- Кто такая Изи?

- Изабель де В. Принцесса де В. Дядя всегда называл ее Изи...

- Это его любовница?

Почему Мегрэ казалось, что у его собеседника голова пономаря, как будто у пономарей какие-то особенные головы? Мазерон, как и Жакетта, выжидал, прежде чем отвечать на вопросы.

- Похоже, что они не были любовниками.

Мегрэ развязал пачку писем, датированную 1914 годом, через несколько дней после объявления войны.

- Сколько лет сейчас принцессе?

- Дайте сосчитать... Она на пять или шесть лет моложе дяди... Значит, семьдесят один или семьдесят два...

- Она часто приходила сюда?

- Я ее никогда не видел. Думаю, ее никогда здесь не было, а если и была, то еще до того.

- До чего?

- До ее свадьбы с принцем де В.

- Послушайте, месье Мазерон. Я хотел бы, чтобы вы рассказали мне эту историю поподробнее...

- Изабель была дочерью герцога де С.

Странно было слышать имена, которые знаешь из истории Франции.

- А дальше?

- Моему дядюшке в 1910 году было двадцать шесть лет, когда он с ней познакомился. Точнее, он узнал ее еще совсем юной девушкой в замке герцога, где проводил свой отпуск. Потом он долго ее не видел, а когда они снова встретились, то полюбили друг друга.

- Отец графа к тому времени уже умер?

- Да, два года назад.

- Он оставил состояние?

- Только этот дом и кое-какие земли в Солони.

- Почему они не поженились?

- Не знаю. Возможно, потому, что мой дядя начинал свою дипломатическую карьеру и его отправили в Польшу вторым или третьим секретарем посольства.

- Они были помолвлены?

- Нет.

Мегрэ было неловко просматривать разложенные перед ним письма. Против ожидания это были не любовные послания. Писавшая их девушка живо повествовала о разных мелких событиях своей жизни и о светской жизни Парижа.

Она не называла адресата на "ты" и подписывалась "Преданная вам Иззи".

- И что произошло потом?

- Перед войной 1914 года - кажется, это случилось в 1913-м - Изабель вышла замуж за принца де В.

- Она его любила?

- Если верить тому, что рассказывают, то нет. Говорят даже, что она ему откровенно это сказала. Я слышал об этом еще ребенком от своих родителей.

- Ваша мать была сестрой графа де Сент-Илера?

- Да.

- Она вышла замуж за человека из другого круга?

- Она вышла за моего отца-художника, который пользовался определенным успехом в свое время. Сейчас его забыли, но кое-где еще можно видеть его картины. Позднее, чтобы зарабатывать на жизнь, он стал реставратором картин.

Все это время до полудня у Мегрэ было такое впечатление, что он с превеликим трудом вытаскивает каждую толику истины. И ему никак не удавалось получить четкое представление о случившемся. Эти люди казались ему нереальными, словно вышедшими из романов начала века.

- Если я правильно понимаю, Арман де Сент-Илер не женился на Изабель, потому что не располагал достаточным состоянием?

- Думаю, да. Так мне говорили, и это представляется наиболее вероятным.

- Тогда она вышла замуж за принца де В., которого, как вы говорите, не любила и честно ему в этом призналась.

- Это был уговор между двумя состоятельными семействами.

- У них были дети?

- Да, один сын, который родился через несколько лет после их свадьбы.

- И что с ним случилось?

- Принцу Филиппу сейчас должно быть лет сорок пять. Он женился на девушке из Маршанжи и почти постоянно живет в своем замке в Женесту, недалеко от Кана, где у него есть конный завод и фермы. Он отец пятерых или шестерых детей.

- Примерно полвека, судя по этим письмам, Изабель и ваш дядя переписывались. Они писали друг другу почти каждый день письма на нескольких страницах.

Ее муж знал об этом?

- Говорят, что да.

- Вы его знаете?

- Только в лицо.

- Что это за человек?

- Светский человек и коллекционер.

- Что он коллекционирует?

- Всякие медали, табакерки...

- Он вел светский образ жизни?

- Да, каждую неделю устраивал приемы в особняке на улице Варенн, а осенью - в своем замке в Сен-Совер-ан-Бурбонне.

У Мегрэ передернулось лицо. С одной стороны, он чувствовал, что все это вроде бы правда, а с другой - все персонажи казались ему нереальными.

- Улица Варенн, - возразил он, - в пяти минутах ходьбы отсюда.

- И все же я готов поклясться, что за пятьдесят лет мой дядя и принцесса никогда не встречались.

- Только писали друг другу каждый день?

- Письма у вас перед глазами.

- И муж был в курсе дела?

- Изабель не согласилась бы писать тайком.

Мегрэ чуть было не разозлился, как будто над ним насмеялись. Однако письма действительно лежали перед ним, и в них было немало многозначительных фраз.

"...Сегодня в десять часов утра ко мне приходил аббат Гож, и мы много говорили о вас. Мне отраднo сознaвать, что связывающие нас узы так прочны, что никому не дано их разорвать..."

- Принцесса очень набожна?

- Да, она даже устроила часовню в особняке на улице Варенн.

- А ее муж?

- Он тоже католик.

- У него были любовницы?

- Говорят, что да.

Другое письмо, более позднее.

"...Всю свою жизнь я буду признательна Юберу за то, что он сумел понять..."

- Полагаю, что Юбер - это принц де В.?

- Раньше он был военным и еще недавно по утрам ездил верхом в Булонском лесу, но на прошлой неделе неудачно упал.

- Сколько ему было лет?

- Восемьдесят.

В этом деле были замешаны одни старики, и отношения между ними были какими-то не очень человеческими.

- Вы верите во все то, что мне рассказываете, месье Мазерон?

- Если вы сомневаетесь, спросите у кого угодно.

У кого угодно в той среде, о которой у Мегрэ было лишь смутное и явно не совсем верное представление!

- Продолжим. - Он устало вздохнул. - Значит, умер тот самый принц, о котором вы мне только что рассказывали?

- Да, в воскресенье утром. Об этом писали в газетах. Он скончался после падения с лошади, и как раз сейчас его отпевают в церкви Святой Клотильды.

- Он не общался с вашим дядей?

- Насколько мне известно, нет.

- А они не встречались в светском обществе?

- Полагаю, что они избегали бывать в одних и тех же компаниях и гостиных.

- Они ненавидели друг друга?

- Не думаю.

- Ваш дядя говорил с вами о принце?

- Нет, даже намеком.

- А об Изабель?

- Как-то раз, уже давно, он сказал мне, что я его единственный наследник и что он сожалеет, что я не ношу его фамилию. Его печалило и то, что у меня нет сыновей. Если бы у меня был сын, то он испросил бы в суде разрешение дать ему фамилию Сент-Илер.

- Значит, вы единственный наследник своего дяди.

- Да. Но я еще не закончил свой рассказ. Однажды он говорил мне о принцессе, не называя ее по имени.

Он сказал тогда: "Я надеюсь, что когда-нибудь женюсь.

Бог знает, когда это случится, но заводить детей будет уже поздно".

- Если я правильно понимаю, дело обстоит так: в 1912 году ваш дядя знакомится с девушкой, которую он полюбил, а она полюбила его, но они не женятся, потому что у графа де Сент-Илера практически нет состояния.

- Это так.

- Два года спустя, когда ваш дядя работал в посольстве в Польше или в другой стране, юная Изабель выходит замуж по расчету и становится принцессой де В.

У нее рождается сын, и супруги в то время ведут себя как муж и жена.

- Да.

- Но, наверное, потом ваш дядя и Изабель встречались и отдавались страсти.

- Нет.

- Почему вы так уверены? Вы считаете, что в их кругу...

- Я сказал "нет", потому что во время Первой мировой войны дядя находился за пределами Франции, а когда он вернулся, сыну Изабель Филиппу было уже два или три года.

- Допустим, влюбленные снова встречаются...

- Нет.

- Они больше никогда не встречались?

- Я вам уже сказал.

- Значит, они писали друг другу в течение пятидесяти лет почти ежедневно, и однажды ваш дядя сказал вам о своей возможной женитьбе в более или менее отдаленном будущем. Это означает, я полагаю, что Изабель и он ждали смерти принца, чтобы пожениться.

- Думаю, да.

Мегрэ вытер пот со лба, посмотрел на липу за окном.

- Вот мы и подошли к эпилогу. Десять или двенадцать дней тому назад - это не важно - восьмидесятилетний принц упал с лошади в Булонском лесу.

В воскресенье утром он умер от полученных ранений.

Вчера, во вторник вечером, то есть два дня спустя, был убит ваш дядя у себя в кабинете. Таким образом, влюбленные, ждавшие долгих пятьдесят лет, не смогут соединиться. Согласны? Дайте мне, пожалуйста, адрес вашей жены.

- Улица Помп, дом 23. Это в Пасси.

- Вы знаете нотариуса или поверенного вашего дяди?

- Его нотариуса зовут месье Обонне. У него контора на улице Вийерсексель.

Тоже в нескольких сотнях метров от дома покойного. Все эти люди, за исключением мадам Мазерон, жили почти что дверь в дверь в одном из парижских районов, который Мегрэ меньше всего знал.

- Вы свободны. Думаю, я могу застать вас у себя?

- Сегодня я буду там недолго, потому что мне придется поехать на похороны, но прежде всего я хочу повидаться с мэтром Обонне.

Мазерон направился к выходу, а Жакетта пошла запереть за ним дверь.

- Я вам сейчас нужна?

- Позже. Сейчас время обеда, а потом мы вернемся сюда.

- Мне оставаться здесь?

- А куда вы хотите пойти?

Она посмотрела на него непонимающим взглядом.

- Вы куда-то собирались?

- Я? Никуда. Куда мне идти?

Из-за такого странного ее поведения Мегрэ и Жанвье ушли не сразу. Комиссар позвонил на набережную Орфевр:

- Люка? Ты можешь прислать кого-нибудь побыть часок на улице Сен-Доминик? Торранса? Хорошо. Пусть приедет на машине...

Пока комиссар с инспектором обедали, Торранс дремал, сидя в кресле графа де Сент-Илера.

Насколько можно было судить, в квартире ничего не украли. Убийца вошел через дверь, а поскольку Жакетта клялась, что никого не впускала, следовало предположить, что граф сам открыл дверь посетителю.

Ждал ли он его? Он не предложил гостю выпить.

На столе стоял только один стакан рядом с бутылкой коньяку.

Сент-Илер был одет по-домашнему в ожидании женщины? Наверняка нет, если верить тому немногому, что о нем было известно. Значит, приходил мужчина. Граф Доверял ему, так как сидел за столом и занимался правкой корректурных оттисков.

- Ты не заметил окурков сигарет в пепельнице?

- Мне кажется, нет.

- Держу пари, что еще до вечера нам позвонит Кромьер.

Еще один человек, способный вывести Мегрэ из себя.

- Должно быть, принца уже похоронили.

- Вероятно.

- Значит, Изабель сейчас у себя на улице Варенн в окружении сына, невестки и их детей.

Наступило молчание. Мегрэ хмурил брови, как будто о чем-то размышляя.

- Вы собираетесь их навестить? - обеспокоенно спросил Жанвье.

- Нет... Будешь пить кофе? Гарсон! Две чашки черного кофе...

Не было сомнения в том, что сегодня он зол на весь мир, включая чиновников разного ранга, обедавших за соседними столиками и насмешливо поглядывавших на него.

Глава 3

Повернув на улицу Сен-Доминик, Мегрэ сразу их заметил и что-то проворчал сквозь зубы. Это была добрая дюжина журналистов и фоторепортеров у дома графа де Сент-Илера. Некоторые из них, словно приготовившись к длительной осаде, сидели на тротуаре, прислонившись спиной к стене.

Они узнали его издали и устремились к нему.

- Вот кому будет рад наш дорогой месье Кромьер, - процедил Мегрэ, обращаясь к Жанвье.

Это было неизбежно. Как только дело поступало в районный комиссариат, кто-нибудь сообщал о нем прессе.

Фотографы, у которых уже была сотня клише с его фото, набросились на него со своими камерами, как будто он изменился со вчерашнего дня. Репортеры атаковали его вопросами. К счастью, по ним он сделал вывод, что им известно меньше, чем можно было бы опасаться.

- Это самоубийство, господин комиссар?

- Исчезли какие-нибудь документы?

- Господа, пока мне нечего вам сказать.

- Можно ли предположить, что это политическое убийство?

Они пятились перед ним с блокнотами в руках.

- Когда вы сможете дать нам какую-нибудь информацию?

- Возможно, завтра, а может, через неделю. - Он имел неосторожность добавить:

- А может быть, никогда. - Он тут же постарался исправить оплошность:

- Я шучу, конечно. Будьте добры, дайте нам работать спокойно.

- Правда, что он писал мемуары?

- Настолько правда, что два тома уже вышли в свет.

Полицейский в форме стоял у дверей. Немного позже Мегрэ позвонил в квартиру, и им открыл Торранс без пиджака.

- Мне пришлось вызвать сержанта, шеф. Они проникли в дом и развлекались тем, что звонили через каждые пять минут.

- Ничего нового? Никто не звонил?

- Звонили раз двадцать из разных газет.

- Где старуха?

- На кухне. Каждый раз, когда звонит телефон, она бросается к нему, чтобы опередить меня. В первый раз попыталась даже вырвать у меня трубку.

- А сама не звонила? Вы знаете, что в спальне есть другой аппарат?

- Я оставил дверь кабинета открытой, чтобы слышать, как она ходит. В спальню она не заходила.

- А из квартиры она не выходила?

- Нет. Она попыталась это сделать под тем предлогом, что нужно купить свежего хлеба, но я ей не позволил. Что мне теперь делать?

- Возвращайтесь в управление.

Мегрэ и сам было подумал отправиться туда и захватить с собой Жакетту, чтобы как следует допросить ее. Но он был еще не готов к этому допросу. Поэтому предпочел побыть еще в квартире и попытаться заставить говорить старую служанку в кабинете графа.

Комиссар распахнул обе створки высокой застекленной двери и сел в кресло графа. Он протянул руку к пачке писем, когда дверь открылась и вошла Жакетта Ларрье, с кислой и еще более недоверчивой миной.

- Вы не имеете права делать это.

- Вам известно, чьи это письма?

- Это не имеет значения. Это частная переписка.

- Сделайте одолжение, отправляйтесь на кухню или в свою комнату.

- Я могу выйти на улицу?

- Пока нет.

Она немного поколебалась, подыскивая обидные слова, но не нашла и, бледная от ярости, вышла из кабинета.

- Принеси мне, Жанвье, фотографию в серебряной рамке, которую я заметил в спальне.

Утром Мегрэ не обратил на нее особого внимания.

Слишком многие вещи были ему еще чужды. У него был принцип не составлять поспешного мнения, потому что он не доверял первым впечатлениям.

Во время обеда на террасе он вдруг вспомнил литографию в спальне своих родителей. Наверное, ее купила и повесила там его мать. Она была в белой рамке, сделанной в стиле начала века. На литографии молодая женщина в платье принцессы, в шляпе со страусовым пером и с зонтиком в руке стояла на берегу озера.

Выражение ее лица, как и окружающий пейзаж, были исполнены меланхолии, и Мегрэ был уверен, мать находила это изображение поэтичным. Может, это соответствовало поэзии того времени?

История Изабель и графа де Сент-Илера воскресила у него в памяти эту картинку с такой четкостью, что он припомнил также обои в голубую полоску на стенах спальни.

И вот на фотографии, замеченной утром в спальне графа, он вновь увидел тот же силуэт, платье того же фасона и точно такую же меланхолию.

Он не сомневался, что это была фотография Изабель, сделанная в 1912 году, когда она была еще юной и когда с ней познакомился будущий посол.

Она не была крупной, а из-за корсета, по-видимому, талия у была тонкой, а бюст пышным. Портрет дополняли тонкие черты лица, маленький рот и светлые глаза - серые или голубые.

- Что мне делать, шеф?

- Присядь.

Ему нужен был кто-то, чтобы контролировать его впечатления. Пачки писем были разложены перед ним по годам, он брал их одно за другим и читал - не полностью, разумеется, это заняло бы несколько дней, - а отдельные фрагменты.

"Мой милый друг... Дорогой друг... Нежный друг..."

Позднее, возможно потому, что их общение стало более тесным, она начинала письма просто "Друг мой".

Сент-Илер сохранил конверты с марками разных стран. Изабель много путешествовала. К примеру, на протяжении многих лет письма, датированные августом, приходили либо из Баден-Бадена, либо из Мариенбада, аристократических курортов того времени.

Были также штампы Тироля, Швейцарии и Португалии. Она живо и с удовольствием описывала разные мелкие события, заполнявшие ее дни, довольно вдохновенно писала о людях, с которыми встречалась. Зачастую она называла их просто по имени, а иногда ограничивалась инициалами.

Мария, например, была в то время королевой Румынии. Изабель с отцом были в то время в гостях у нее, и письмо пришло из Бухареста. А некоторое время спустя пришло письмо из Италии, где она тоже гостила при королевском дворе.

"Мой кузен Г."

Полностью имя было написано в другом письме: речь шла о принце Гессенском.

Во время Первой мировой войны она отправляла свои письма через посольство Франции в Мадриде.

"Отец объяснил мне вчера, что я должна стать женой принца де В., которого вы неоднократно видели у нас в доме. Я попросила у него три дня на размышление и в эти три дня много плакала..."

Мегрэ попыхивал трубкой, время от времени поглядывая в сад на листву липы, передавал письма Жанвье и следил за его реакцией.

"Сегодня днем у меня был продолжительный разговор с Юбером, я была с ним полностью откровенна. Он знает, что я вас люблю, что между нами стоит множество препятствий и что я подчинюсь воле своего отца..."

На прошлой неделе Мегрэ расследовал простое и жестокое преступление на почве ревности. Любовник зарезал мужа своей возлюбленной, потом убил ее саму, а затем безуспешно пытался вскрыть себе вены. Правда, это было в маленькой деревне недалеко от Сент-Антуана.

"Он согласился с тем, что наш брак будет бездетным, а я со своей стороны пообещала ему, что никогда не буду встречаться с вами. Он знает, что я вам пишу, и не подвергает сомнению то уважение, которое вы всегда выказывали по отношению ко мне..."

Время от времени в душе у Мегрэ что-то бунтовало.

- Ты в это веришь, Жанвье?

- Похоже, что все это искренне.

- Прочти это!

Письмо было написано три года спустя.

"Я знаю, друг мой, что вы будете страдать, но, если это вас утешит, я страдаю еще больше вас..."

Это было в 1915 году. Она сообщала, что Жюльен, брат принца де В., недавно погиб в Аргонне во главе своего полка. У нее снова был продолжительный разговор с мужем, приехавшим в Париж в отпуск.

В заключение она писала любимому человеку, что ей придется спать с принцем.

Конечно, она не употребляла таких слов. В письме не было не только ни одного грубого, шокирующего слова, но и сам факт был представлен как нечто нематериальное.

"Пока Жюльен был жив, Юбер не беспокоился, уверенный в том, что у брата будет наследник и что фамилия де В..."

Брата теперь не было. Значит, долгом Юбера было обзавестись потомством.

"Я провела ночь в молитве, а наутро пошла к своему духовнику..."

Священник согласился с мнением принца. Из-за любви нельзя допустить, чтобы угасло славное имя, встречавшееся на страницах истории Франции на протяжении пяти веков.

"Я поняла свой долг..."

Жертва была принесена, и родился сын Филипп.

Она сообщила о его рождении короткой фразой, которая изумила Мегрэ:

"Слава Богу, это мальчик!.."

Не означало ли это, что, если бы родилась девочка, ей пришлось бы начинать все сначала? А если бы снова и снова рождались девочки?

- Ты это читал?

- Да.

Оба они были во власти какого-то непонятного состояния, так как оба привыкли к суровой действительности, к страстям, которые завершались трагедиями и ими приходилось заниматься на набережной Орфевр.

Еще бы немного, и Мегрэ засунул бы все эти письма в шкаф с зелеными занавесками на застекленных дверях, проворчав при этом: "Сколько глупостей!"

В то же время он проникся каким-то уважением, почти нежностью, которую старался подавить.

- Ты этому веришь?

Снова герцоги, принцы, свергнутые короли, встреченные в Португалии. Потом путешествие в Кению вместе с мужем, затем в Соединенные Штаты, где Изабель чувствовала себя растерянной из-за суровости тамошней жизни.

"...Чем больше он взрослеет, тем больше походит на вас. Не чудо ли это? Возможно, это Небеса воздают нам за принесенную жертву? Юбер тоже замечает это сходство и смотрит на ребенка как-то по-своему..."

Во всяком случае, Юбер больше не был допущен на супружеское ложе, но и не искал утех на стороне.

В письмах он был теперь не Юбер, а просто Ю.

"У бедного Ю. появилось увлечение, и я подозреваю, что оно причиняет ему страдания. Он хуеет на глазах и становится все более нервным..."

Такие "увлечения" стали появляться через каждые пять-шесть месяцев. Арман де Сент-Илер со своей стороны не должен был пытаться заверять ее в своем целомудрии.

К примеру, Изабель писала ему:

"Надеюсь, что турецкие женщины не такие дикие, как о них говорят, а их мужья не такие свирепые..."

И добавляла:

"Будьте благоразумны, друг мой. Каждое утро я молюсь за вас..."

Когда он работал в посольстве на Кубе, а потом был послом в Буэнос-Айресе, ее беспокоили женщины с испанской кровью.

"Они так красивы! А я здесь, так далеко, содрогаюсь от мысли, что в один прекрасный день вы влюбитесь..."

Она проявляла заботу о его здоровье.

"Вы все еще страдаете из-за фурункулов? Представляю, как при такой жаре они должны..."

Она знала Жакетту.

"Я написала Жакетте и сообщила ей рецепт миндального торта, который вы так любите..."

- Разве она не обещала мужу больше не видеться с Сент-Илером? Послушай это...

"Какое неописуемое и в то же время мучительное счастье я испытала вчера, когда издали увидела вас в Опере... Мне так нравятся ваши седые виски и легкая полнота, которая придает вам такой достойный вид..."

Весь вечер я гордилась вами...

Только вернувшись на улицу Варенн и посмотревшись в зеркало, я ужаснулась... Как мне удавалось не разочаровывать вас?... Женщины быстро увядают, и вот я уже почти старуха..."

Таким образом, они виделись издали неоднократно.

И даже назначали друг другу что-то вроде свиданий.

"Завтра около трех часов я буду гулять с сыном в парке Тюильри..."

Сент-Илер, со своей стороны, прогуливался у нее под окнами в заранее условленное время.

По поводу ее сына, когда ему было лет десять, была написана характерная фраза, которую Мегрэ зачитал вслух:

- "Филипп, увидев снова, что я пишу, простодушно спросил: "Опять пишешь своему возлюбленному?"

Мегрэ вздохнул, вытер пот со лба и перевязал бечевкой пачки писем.

- Попробайся соединить меня с доктором Тюделем.

Нужно было опереться на твердую почву. Письма вернулись на свое место в шкафу, и Мегрэ сказал себе, что больше к ним не прикоснется.

- Он у телефона, шеф...

- Алло! Доктор... Да, Мегрэ... Вы закончили десять минут назад?... Нет, разумеется, я не требую от вас всех подробностей... - Слушая доктора, он что-то черкал в блокноте Сент-Илера. - Вы уверены? Вы уже отправили пули Гастинну-Ренетту? Я позвоню ему попозже...

Спасибо... Будет лучше, если вы отправите ваше заключение судебному следователю... Ему это будет приятно... Еще раз благодарю...

Он стал ходить по комнате, заложив руки за спину и останавливаясь время от времени у окна, чтобы выглянуть в сад, где по лужайке скакал дрозд.

- Первая пуля, - объяснял он Жанвье, - поразила его спереди почти в упор... Это пуля калибра 7,65... У Тюделя нет еще опыта доктора Поля, но он почти уверен, что она была выпущена из автоматического браунинга... На одном доктор настаивает категорически: первая пуля вызвала почти мгновенную смерть. Тело наклонилось вперед и соскользнуло из кресла на ковер...

- А откуда он это знает?

- Потому что другие выстрелы были произведены сверху вниз.

- Сколько пуль?

- Три. Две в животе и одна в плече. - Он смотрел на кое-как помытый ковер, где еще различались контуры кровавых пятен. - Или же убийца хотел удостовериться, что жертва мертва, или находился в таком возбужденном состоянии, что продолжал стрелять машинально. Соединила меня с Мерсом.

Утром он был так поглощен странностью этого убийства, что не мог сам заниматься уликами и перепоручил это специалистам из отдела установления личности.

- Мере?... Да... Что вам удалось узнать?... Разумеется. Сначала скажите мне, вы нашли гильзы в кабинете? Нет?... Ни одной?..

Это было любопытно и, похоже, говорило о том, что убийца знал, что ему никто не помешает после четырех оглушительных выстрелов отыскать на полу гильзы.

- А что на дверной ручке?

- Единственные более или менее четкие отпечатки принадлежат служанке.

- А на стакане?

- Отпечатки покойного.

- На столе, на мебели?

- Ничего, шеф. Нигде нет чужих отпечатков, только ваши.

Две детали на первый взгляд противоречили друг другу. Убийца продолжал стрелять в покойника, в неподвижного человека с простреленной головой, представлявшего жутковатое зрелище.

Судебный врач утверждал, что после первого выстрела труп уже лежал на полу, где его и обнаружили.

Значит, убийца, находившийся, вероятно, с другой стороны стола, обошел его, чтобы снова стрелять - раз, другой, третий - сверху вниз и с очень близкого расстояния, около пятидесяти сантиметров, как считал доктор Тюдель.

С такого расстояния не нужно было целиться, чтобы попасть в определенную точку. Иными словами, в грудь и живот стреляли напрасно?

Это наводило на мысль о жажде мести или необыкновенной степени ненависти.

- Ты уверен, что в квартире нет оружия? Ты все обыскал?

- Смотрел даже в камине, - ответил Жанвье.

Мегрэ тоже искал этот пистолет, о котором говорила, правда, весьма туманно, старая служанка.

- Пойди спроси у полицейского, который стоит у дверей, какой пистолет у него на поясе. - Многие сержанты наружной службы были вооружены именно пистолетами калибра 7,65. - Пусть даст его тебе на минутку.

Он тоже вышел из кабинета, пересек коридор, толкнул дверь кухни, где на стуле очень прямо сидела Жакетта Ларрье. Глаза у нее были закрыты, и казалось, она спит.

Дверь скрипнула, и она вздрогнула.

- Пройдите со мной.

- Куда?

- В кабинет. Хочу задать вам несколько вопросов.

- Я вам уже сказала, что ничего не знаю.

Войдя в кабинет, она осмотрелась, словно убеждаясь, что все на своем месте.

- Садитесь.

Она колебалась, потому что наверняка не привыкла садиться в кабинете хозяина.

- На этот стул, пожалуйста...

Она подчинилась неохотно и посмотрела на комиссара еще более недоверчиво. Вернулся Жанвье с пистолетом в руке.

- Дай его ей.

Она отказывалась взять его, открыла рот, чтобы что-то сказать, потом закрыла, и Мегрэ готов был поклясться, что у нее чуть не вырвалось: "Где вы его нашли?"

- Такое оружие было у графа?

- Кажется, да.

- Возьмите его в руку. Он весил примерно столько же?

- Это ничего не даст, потому что я никогда не трогала то, что лежало в ящиках.

- Можешь отнести его сержанту, Жанвье.

- Я вам больше не нужна?

- Оставайтесь, пожалуйста. Полагаю, вы не знаете, давал ли ваш хозяин свой пистолет кому-нибудь - племяннику, например, или кому-то еще?

- Откуда мне это было знать? Знаю только, что давно его не видела.

- Граф де Сент-Илер боялся грабителей?

- Точно нет. Ни грабителей, ни убийц. Летом он даже спал с открытым окном, хоть мы и живем на первом этаже и кто угодно мог бы сюда залезть.

- Он хранил какой-нибудь ценный предмет в квартире?

- Вы и ваши люди знаете лучше меня, что здесь есть.

- Когда вы поступили на службу к графу?

- Сразу после войны. Он как раз вернулся из-за границы, а его лакей умер.

- Значит, вы одна жили с графом в этой квартире?

- А что в этом плохого?

Задавая вопросы, Мегрэ не следовал определенной логике, так как не видел в этом деле ничего логичного. Он просто нащупывал слабое место.

- Когда вы поступили к нему на службу, это был почти еще молодой человек.

- Он был на три года старше меня.

- Вы знали, что он был влюблен?

- Я относилась к его письмам на почту.

- Вы его не ревновали?

- С чего бы это?

- У вас были любовники?

Она посмотрела на него взглядом, полным презрения.

- А вы не были его любовницей?

Мегрэ испугался, увидев, как она устремляется к нему, готовая выцарапать глаза.

- Я знаю из его переписки, - продолжал он, - что у него были похождения.

- Разве это не его право? Но некоторых из них мне доводилось выставлять за дверь, потому что они были не для него и могли бы навлечь на него неприятности.

- То есть вы беспокоились о его личной жизни.

- Он был очень добрым и до конца оставался наивным.

- Однако он блестяще справлялся с деликатной ролью посла.

- Это разные вещи.

- Вы никогда от него не уходили?

- Об этом говорится в письмах?

Теперь настал черед Мегрэ не отвечать на вопрос, а настаивать на ответе.

- На какое время вы с ним расставались?

- На пять месяцев.

- В какое время?

- Когда он работал на Кубе.

- Почему?

- Из-за женщины, которая потребовала, чтобы он меня выставил.

- Что это за женщина?

Молчание.

- Почему она не могла вас терпеть? Она жила с ним?

- Она приходила к нему каждый день, а часто и оставалась на ночь в посольстве.

- И куда вы ушли?

- Я сняла маленькую квартирку около Прадо.

- Ваш патрон навещал вас там?

- Он не отваживался, только звонил и просил запастись терпением. Он знал, что это долго не продлится. А я все же купила билет в Европу.

- Но не уехали?

- Накануне отъезда он приехал за мной.

- Вы знаете принца Филиппа?

- Если вы на самом деле читали письма, у вас нет нужды спрашивать об этом.

- Вы мне не ответили.

- Я его видела, когда он был маленьким на улице Варенн.

- Вам не пришло в голову позвонить сегодня утром принцессе, прежде чем отправляться на набережную Орсе?

Она невозмутимо посмотрела ему в глаза.

- Почему вы этого не сделали, ведь, как вы сами говорите, долгое время были связующим звеном между ними?

- Потому что сегодня день похорон принца.

- А потом, когда мы отлучались, у вас не возникало желания известить ее?

- В кабинете все время кто-нибудь был.

В дверь постучали. Это был полицейский, дежуривший у входа:

- Не знаю, будет ли это вам интересно. Но думаю, я правильно сделал, что принес вам эту газету.

Это была вечерняя газета, вышедшая, должно быть, часом раньше. Крупный заголовок на две колонки в низу полосы гласил: "ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ ПОСЛА".

Текст был краток.

"Сегодня утром был обнаружен у себя в квартире на улице Сен-Доминик труп графа Армана де Сент-Илера, долгое время работавшего послом Франции в разных столицах, в том числе в Риме, Лондоне, Вашингтоне.

Находясь несколько лет в отставке, Арман де Сент-Илер опубликовал два тома мемуаров и занимался правкой корректурных оттисков третьего тома, когда, похоже, и был убит.

Преступление было обнаружено рано утром старой служанкой.

Пока не известно, была ли причиной убийства кража или же нужно искать ее в другом".

Мегрэ протянул газету Жакетте и посмотрел на телефон. Он задавался вопросом, узнали ли об этом на улице Варенн из газеты или кто-нибудь сообщил Изабель эту новость.

В этом случае, какова была ее реакция? Отважится ли она сама прийти сюда? Или пришлет сына за информацией? А может, будет ждать в тиши своего особняка, где в знак траура закрыли ставни?

Не следовало ли ему, Мегрэ...

Он поднялся, недовольный собой, недовольный всем на свете, подошел к окну, выходящему в сад и, к великому неудовольствию Жакетты, стал выколачивать трубку о каблук ботинка.

Глава 4

Старая дева, маленькая, чопорно сидящая в своем кресле, с ужасом прислушивалась к голосу комиссара: она еще не слышала, чтобы Мегрэ говорил таким тоном. Правда, обращался комиссар не к ней, а к кому-то невидимому на другом конце провода.

- Нет, месье Кромьер, я не составлял никакого коммюнике для прессы и не приглашал ни журналистов, ни фотографов, как это охотно сделали бы господа министры. Что же до вашего второго вопроса, то я не имею ничего нового вам сообщить, никакой, как вы говорите, зацепки; а если мне что-то и удастся обнаружить, я тут же представлю рапорт судебному следователю...

Он заметил, как Жакетта исподтишка бросила быстрый взгляд на Жанвье. Похоже, хотела обратить его внимание на несдержанность комиссара; на губах ее играла легкая улыбка, словно старушка хотела сказать:

"Ну и начальник у вас, инспектор..."

Мегрэ увел коллегу в коридор:

- Я пока забегу к нотариусу. А ты продолжай допрашивать ее, только помягче, не слишком дави - сам знаешь, что я хочу сказать. Может быть, тебе повезет больше, чем мне, и ты ее как-нибудь очаруешь.

По правде говоря, если бы он еще утром мог предвидеть, что будет иметь дело с упрямой старой девой, то захватил бы с собой Лапуэнта, а не Жанвье: всей уголовной полиции было известно, что Лапуэнт лучше, чем кто бы то ни было, умеет обращаться с дамами преклонных лет. Одна из них даже как-то сказала ему, покачивая головой: "Не могу понять, как такой воспитанный молодой человек занимается подобным ремеслом... - И добавила:

- Уверена, это заставляет вас страдать".

Комиссар очутился на улице, где перед домом караулил всего один журналист: его сотоварищи отправились в ближайшее бистро освежиться.

- Ничего нового, старина... Можешь не ходить за мной.

Ему не пришлось далеко идти: в этом деле вообще далеко ходить не приходилось. Можно было смело сказать, что для всех, кто был так или иначе в это дело замешан, Париж ограничивался несколькими улицами аристократических кварталов.

Дом нотариуса на улице Вийерсексель был построен в ту же эпоху, в том же стиле, что и дом на улице Сен-Доминик: во двор тоже вели ворота, широкая лестница была застлана красным ковром, а лифт поднимался и опускался мягко и бесшумно. Но комиссару не пришлось воспользоваться им, ибо кабинет располагался на втором этаже. Кожаная обивка двойных дверей была превосходно вычищена, и табличка, приглашавшая посетителей входить без стука, тоже сверкала.

Ну, если опять придется иметь дело со стариками...

Он был приятно удивлен, когда среди клерков заметил красивую женщину лет тридцати.

- Могу я видеть месье Обонне?

Конечно, в конторе было слишком тихо, даже как-то торжественно, но его не заставили ждать и тут же провели в просторную комнату, где мужчина всего лишь лет сорока пяти поднялся ему навстречу.

- Я - комиссар Мегрэ... пришел к вам по делу одного из ваших клиентов, графа де Сент-Илера.

Его собеседник отозвался с улыбкой:

- В таком случае это касается не меня, а моего отца.

Пойду посмотрю, свободен ли он сейчас...

Месье Обонне-сын прошел в соседнюю комнату и пробыл там какое-то время.

- Сюда, пожалуйста, месье Мегрэ...

Разумеется, на этот раз перед комиссаром воистину оказался старец, к тому же в не слишком хорошей форме. Обонне-отец, часто моргая глазами, восседал в кресле с высокой спинкой, и вид у него был такой, словно его только что разбудили.

- Говорите погромче... - посоветовал сын перед тем, как уйти.

Когда-то месье Обонне был очень толстым. Он и сейчас сохранил некоторую полноту, но тело его стало дряблым, всюду висели складки. Одна нога была в ботинке, а другая, с распухшей лодыжкой, - в войлочном шлепанце.

- Полагаю, вы пришли поговорить со мной о моем бедном друге?..

Рот его тоже одряб, и слова звучали нечленораздельно. Но, во всяком случае, из него не нужно было клещами вытягивать сведения: что-что, а поболтать он любил.

- Представьте себе: мы с Сент-Илером познакомились в Станисла... Когда же это было?..
Погодите-ка...

Мне семьдесят семь... Значит, прошло семьдесят лет с тех пор, как мы вместе учились в классе риторики...

Его прочили в дипломаты... Я же мечтал стать кавалерийским офицером... В те времена была еще кавалерия... Конники не пересели на мотоциклы... Но знаете ли вы, что за всю жизнь мне так и не довелось поехать верхом?.. А все потому, что я был единственный сын и должен был унаследовать дело отца...

Мегрэ даже не стал спрашивать, жил ли его отец в этом же самом доме.

- Сент-Илер еще в коллеже любил пожить, был бонвиваном - но, знаете, бонвиваном весьма редкого свойства: утонченным до кончиков ногтей...

- Полагаю, он оставил завещание у вас?

- Его племянник, маленький Мазерон, только что спрашивал меня об этом. Я уверил его...

- Племянник наследует все имущество?

- Нет, не все. Это завещание я знаю наизусть: сам его заверял.

- Давно?

- Последнее - лет десять тому назад.

- Предыдущие завещания чем-то от него отличались?

- Только в деталях. Я не смог показать документ племяннику, потому что он должен быть обнародован в присутствии всех заинтересованных лиц.

- И кто же эти лица?

- В общих чертах картина следующая: Ален Мазерон получает недвижимость на улице Сен-Доминик и большую часть состояния, которое, впрочем, не столь уж значительно. Жакетте Ларрье, экономке, завещана пожизненная рента, которая обеспечит ей безбедную старость. Что же до мебели, безделушек, картин, личных вещей, то Сент-Илер завещал их старинной приятельнице...

- Изабель де В.

- Вижу, вы в курсе.

- Вы знакомы с ней?

- Довольно близко. Еще лучше я знал ее мужа: он был в числе моих клиентов.

Не удивительно ли, что оба они избрали одного и того же нотариуса?

- Они не боялись, что могут столкнуться лицом к лицу в вашей конторе?

- До этого так ни разу и не дошло. Вероятно, они об этом даже не думали, да и сомневаюсь, чтобы это смутило их. Видите ли, даже если они и не стали друзьями, то не могли не уважать друг друга: оба были людьми чести, а кроме того, обладали отменным вкусом...

Даже слова эти, казалось, принадлежали прошлому!

В самом деле, давненько Мегрэ не доводилось слышать такое определение: человек чести.

А старый нотариус, погрузившись в кресло, тихо смеялся какой-то внезапно мелькнувшей мысли.

- Отменным вкусом, да! - повторил он лукаво. - Можно было бы добавить, что в некоторой области их вкусы сходились... Теперь, когда оба умерли, я не думаю, что погрешу против профессиональной этики, если кое о чем проболтаюсь, - тем более, что и вам, в силу вашего ремесла, подобает сдержанность... Нотариус - почти всегда доверенное лицо. А Сент-Илер, ко всему прочему, был моим старым другом и рассказывал мне обо всех своих похождениях... Более года они с принцем посещали одну и ту же любовницу, красивую полногрудую девицу, которая выступала в каком-то ревю на Бульварах...

Ни один из них так и не догадался... У каждого был свой день... - Старикан игриво подмигнул Мегрэ. - Эти люди умели жить... Уже много лет, как я не практикую; мой старший сын ведет все дела... Тем не менее я каждый день спускаюсь сюда, в кабинет, и продолжаю обслуживать старинных клиентов...

- У Сент-Илера были друзья?

- Его друзья - как мои клиенты. В нашем возрасте видишь, как ровесники умирают один за другим.

Думаю, в конце концов ему осталось навещать только меня. Он сохранил здоровые ноги и каждый день совершал прогулку. Он часто поднимался повидать меня, садился туда, где сидите вы...

- О чем же вы разговаривали?

- О былых временах, разумеется; более всего - о старых школьных приятелях. Я даже сейчас могу назвать вам большинство имен. Многие сделали громкую карьеру. Один из наших товарищей, к тому же не самый умный, бесчисленное количество раз выбирался главой Совета - а умер он только в прошлом году. Другой стал членом Военной академии...

- Сент-Илер нажил себе врагов?

- Как бы мог он их нажить? В своей профессии он никого не оттеснил, как это часто бывает в нынешние времена. Все посты он получал, терпеливо дожидаясь своей очереди. И в мемуарах не занимался сведением счетов: потому-то их так мало читают...

- А семейство В.?

Нотариус изумленно воззрился на него:

- Ведь я уже рассказал вам, каков принц. Он, разумеется, был в курсе дела и знал, что Сент-Илер сдержит слово. Если бы не светские условности, я уверен, что Армана принимали бы на улице Варенн и, возможно, ставили бы для него прибор.

- Сын тоже знает?

- Разумеется.

- Что это за человек?

- По-моему, не такого масштаба, как его отец.

Правда, я знаю его меньше. Он кажется замкнутым: в наше время нелегко носить такое громкое имя. Светская жизнь его не интересует. В Париже он бывает мало. Большую часть года проводит в Нормандии с женой и детьми, занимается фермами, лошадьми...

- Вы встречались с ним в последнее время?

- Он придет завтра, вместе с матерью, для вскрытия завещания; таким образом, может получиться, что в один и тот же день будет решен вопрос одного и другого наследства.

- Принцесса не звонила вам сегодня?

- Еще нет. Если она прочтет газету или кто-то из знакомых сообщит ей новость, она, без сомнения, свяжется со мной. Но я до сих пор не могу понять, кому понадобилось убивать моего старого друга. Если бы убийство не произошло в его собственном доме, я бы поклялся, что его застрелили по ошибке.

- Полагаю, Жакетта Ларрье была его любовницей?

- Это не совсем точно. Заметьте: Сент-Илер никогда мне об этом не говорил. Но я хорошо его знал. Знал я и Жакетту в молодости, и она была очень хорошенькая.

Так вот: Арман редко пропускал хорошеньких девушек, без того чтобы не попытать счастья. В этом он был, если хотите, эстетом. А тут представился счастливый случай...

- У Жакетты есть родные?

- Я, во всяком случае, ничего о них не знаю. Если у нее и были братья и сестры, то готов поспорить, что они уже давно умерли.

- Благодарю вас...

- Полагаю, вы торопитесь? Во всяком случае, знайте: я всегда к вашим услугам. Вы тоже, кажется, честный человек, и я надеюсь, что вы поймаете негодяя, который это сделал.

И снова впечатление, будто ты погружаешься в глубины прошлого, в бесплотный мир. А когда выходишь на улицу и видишь перед собой живой Париж: девушек в облегающих брюках, снующих по магазинам; бары с никелированными стойками; автомобили, замершие перед красным сигналом светофора, - это сбивает с толку.

Он направился на улицу Жакоб, но сходил напрасно: дверь лавки была закрыта железной шторой, и на ней красовалось объявление в траурной рамке: "Закрыто по случаю кончины в семье".

Он несколько раз нажал на кнопку звонка, не получив ответа, затем перешел на другую сторону улицы и заглянул в окна второго этажа. Ставней на окнах не было, но изнутри не доносилось ни звука. Женщина с медно-рыжими волосами и пышной грудью промелькнула в сумраке картинной галереи.

- Если вы к месье Мазерону, то его нет. Около полудня я видела, как он сам закрыл все шторы, а потом ушел.

Куда он ушел, женщина не знала.

- Не очень-то он общительный...

Мегрэ конечно же навестит Изабель де В., но этот визит, несколько смущающий, комиссар все откладывал на потом: возможно, к тому времени удастся собрать больше сведений.

Редко случалось, чтобы люди до такой степени ставили его в тупик. Возможно, психиатр, учитель или романист, согласно перечню, приведенному в "Ланцете", могли бы лучше понять этих выходцев из другого столетия?

Одно было очевидно: граф Арман де Сент-Илер, милый, безобидный старик, по словам нотариуса, человек чести, был убит у себя дома кем-то, кого нимало не опасался.

Убийство с целью ограбления, случайное, безымянное и бессмысленное, исключалось: во-первых, из дома ничего не пропало; во-вторых, бывший посол спокойно сидел за своим столом, когда первая пуля, выпущенная с близкого расстояния, разворотила ему лицо.

Либо он сам открыл дверь посетителю, либо у того был ключ от квартиры, хотя Жакетта и утверждала, что существовало лишь два ключа: у нее и у графа.

Мегрэ, без конца прокручивая в голове эти запутанные обстоятельства, зашел в бар, заказал кружку пива и заперся в телефонной кабинке.

- Это вы, Мере? Опишите вещей у вас под рукой? Поглядите, не значится ли там ключ... Да, да, от входной двери... Что?.. Значится?.. Где его обнаружили?.. В кармане брюк?.. Спасибо... Есть ли новости? Нет. На Набережную я вернусь попозже. Если захотите связаться со мной, позвоните Жанвье, он остается на улице Сен-Доминик...

В кармане убитого обнаружили один из двух ключей, а второй был у Жакетты, поскольку утром, когда Мегрэ и человек из министерства иностранных дел прошли на первый этаж, она открыла им дверь.

Без мотива не убивают. Что же остается, если исключить кражу? Убийство по страсти - среди стариков? Корусть?

Нотариус подтвердил, что Жакетта Ларрье получала весьма порядочную пожизненную ренту.

К племяннику отходил дом и львиная доля состояния.

Что касается Изабель, то было трудно вообразить, что, едва похоронив мужа, она осмелится...

Нет! Ни одно из объяснений Мегрэ не устраивало, а на набережной Орсе категорически отметили какой бы то ни было политический мотив.

- Улица Помп! - бросил он водителю желтого такси.

- Понял, господин комиссар.

Мегрэ давно перестал гордиться тем, что его узнают.

Консьержка отправила его на шестой этаж, где маленькая темноволосая женщина, довольно хорошенькая, сперва немного приоткрыла дверь, а затем пропустила Мегрэ в квартиру, залитую солнцем.

- Извините за беспорядок... Я шью дочери платье...

Узкие брючки из черного шелка тесно обтягивали крутые бедра.

- Не сомневаюсь, что вы пришли из-за дядюшки, но понятия не имею, чего вы ждете от меня.

- Ваши дочери дома?

- Старшая - в Англии, изучает язык и живет в английской семье. Младшая на работе. Платье я шью для нее. - И она показала на стол, где лежала легкая пестрая ткань, из которой кроилось платье. - Полагаю, вы встречались с моим мужем?

- Да.

- И как он отнесся к происшедшему?

- Вы уже давно не видались?

- Около трех лет.

- А с графом де Сент-Илером?

- В последний раз он заходил сюда перед Рождеством. Принес девочкам подарки. Никогда об этом не забывал. Даже когда он служил за границей, а они были еще крошками, граф всегда присылал что-нибудь на Рождество. Поэтому у нас есть куклы из всех стран мира. До сих пор хранятся в их комнате: сами можете посмотреть.

Ей было не более сорока, и она еще была очень привлекательна.

- Это правда, что пишут в газетах? Его убили?

- Расскажите мне о вашем муже.

Лицо ее внезапно потускнело.

- Что вы хотите узнать?

- Вы вышли за него по любви? Если не ошибаюсь, он намного старше вас.

- Всего лишь на десять лет. Но он никогда не выглядел молодым.

- Вы любили его?

- Сама не знаю. Я жила с отцом - озлобленным, сварливым человеком. Он считал себя великим непризнанным художником и страдал оттого, что вынужден был зарабатывать себе на жизнь, реставрируя картины.

Я же работала в одном магазине на Бульварах. Встретила Алена. Вам налить чего-нибудь выпить?

- Спасибо, я только что пил пиво. Продолжайте...

- Наверное, меня привлек его таинственный вид.

Он был не такой, как все, не любил болтать, но то, что он говорил, было всегда интересно. Мы поженились, и сразу же родилась дочь...

- Вы жили на улице Жакоб?

- Да. Мне нравилась улица, нравилась наша маленькая квартирка на втором этаже. В то время граф де Сент-Илер еще был послом, в Вашингтоне, если не ошибаюсь. После отставки он пришел проведать нас, затем пригласил к себе, на улицу Сен-Доминик. Он произвел на меня сильное впечатление.

- Как он относился к вашему мужу?

- Не знаю, что и сказать. Этот человек был любезен со всеми без исключения. Казалось, он удивился, что я стала женой его племянника.

- Почему?

- Лишь некоторое время спустя я, кажется, поняла, да и то до сих пор не уверена. Он знал Алена лучше, чем можно предположить, во всяком случае, лучше, чем я в те годы... - Она осеклась, будто сболтнула лишнее. - Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, будто я говорю так с досады, из-за того, что мы с мужем разошлись. Кроме того, ведь это я его бросила.

- Он не пытался удержать вас?

В этой квартире мебель была современная, на стенах - светлые обои; через неплотно прикрытую дверь виднелась белая кухонька, где царил безупречный порядок. С улицы раздавались привычные звуки, тянуло свежестью из располагавшегося неподалеку Булонского леса.

- Полагаю, вы не подозреваете Алена?

- Откровенно говоря, я пока не подозреваю никого, но не исключаю ни единой гипотезы.

- Уверена, это - ложный след. По моему мнению, Алелен - несчастный человек, который никогда не мог приспособиться к жизни и теперь уже никогда и не сможет. Не удивительно ли, что, оставляя злого, сварливого отца, я вышла замуж за человека еще более злого и сварливого? Но я убедилась в этом не сразу. В общем, я ни разу не видела его довольным и теперь тщетно стараюсь припомнить, улыбался ли он хоть когда-нибудь.

Ему внушает тревогу решительно все: его здоровье; его дела; то, что могут о нем подумать люди; мнение соседей и клиентов...

Ему кажется, будто все вокруг настроены против него.

Это трудно объяснить. Не смейтесь, пожалуйста, над тем, что я вам сейчас расскажу. Когда я жила с ним, мне казалось, будто я с утра до ночи слышу ход его мысли, раздражающий, как тиканье будильника. Он молча расхаживал взад и вперед и вдруг взглядывал на меня - но на самом деле взгляд этот был направлен в глубину его собственной души, и невозможно было понять, что в ней творится. Он все такой же бледный?

- Да, бледный.

- Он таким был, когда я встретила его; оставался таким в деревне, на море. Лицо бледное, будто набеленное...

Ничто не выходило на поверхность. Достучаться до него было невозможно... Долгие годы мы спали в одной постели, но иногда, просыпаясь, я чувствовала, что передо мной совершенно чужой человек. Он был жесток... - Тут она попыталась взять назад случайно вырвавшееся слово. - Возможно, я преувеличиваю. Он считал себя справедливым и старался поступать по справедливости любой ценой. Это была какая-то мания. Он был справедлив в мелочах: потому-то я и заговорила о жестокости. Более всего это проявилось, когда родились дети. Он смотрел на них так же, как на меня и на всех прочих: холодно и трезво. Если девочки совершали какую-то глупость, я старалась защитить их.

"В их-то годы, Алелен..." - "Незачем им привыкать к уверткам".

Одно из его любимых словечек. Увертки! Плутство! Нечистая совесть!..

Такую непреклонность он проявлял во всех мелочах повседневной жизни.

"Почему ты купила рыбу?" Я пыталась объяснить ему. "Я ведь велел тебе купить телятины". - "Когда я пошла за покупками..." А он упрямо твердил: "Если я велел тебе купить телятины, ты не должна была покупать рыбу". - Тут она вновь прервалась. - Я не слишком много говорю? Наверное, все это звучит глупо?

- Продолжайте.

- Уже заканчиваю. По прошествии лет я, кажется, поняла, что американцы подразумевают под нравственной жестокостью, и почему там, у них, это может стать основанием для развода. Бывают в школе учителя, которые, не повышая голоса, внушают ужас всему классу.

Рядом с Алеленом мы задыхались - и девочки, и я; было бы, наверное, легче, если бы он уходил куда-нибудь на работу. Но он с утра до вечера торчал внизу, прямо под нами, и десять раз на дню поднимался и своим ледяным взором созерцал, что мы делаем и как себя ведем.

Я должна была отчитываться перед ним в каждом потраченном франке. Когда я выходила, он требовал, чтобы я по секундам расписывала весь свой путь; допрашивал, с кем я разговаривала по дороге, что говорила я и что отвечали мне...

- Вы ему изменяли?

Она не возмутилась. Мегрэн даже показалось, что она вот-вот улыбнется довольной, плотоядной улыбкой, - но она совладала с собой.

- Почему вы спрашиваете? Вы что-то слышали обо мне?

- Нет.

- Пока я жила с ним, меня не в чем было упрекнуть.

- Почему вы решились бросить его?

- Я дошла до точки. Говорю вам: я задыхалась и хотела, чтобы дочери выросли в более здоровой атмосфере.

- И у вас не было более личной причины стремиться вернуть себе свободу?

- Возможно, была.

- И дочери об этом знали?

- Я никогда не скрывала от них, что у меня есть друг, и они меня понимают.

- Он живет с вами?

- Нет, мы встречаемся у него. Это вдовец, моих лет; ему так же не повезло с женой, как мне - с мужем. Так что мы оба пытаемся начать все сначала.

- Он живет по соседству?

- В нашем же доме, двумя этажами ниже. Он - врач. Будете спускаться, увидите табличку на двери.

Если когда-нибудь Ален согласится на развод, мы поженимся, но не думаю, что до этого дойдет. Ален - правоверный католик, скорее по традиции, чем по убеждению.

- Ваш муж прилично зарабатывает на жизнь?

- По-разному. Когда я оставила его, мы договорились, что он будет посылать скромную сумму на содержание девочек. Несколько месяцев он неукоснительно держал слово. Потом деньги стали приходиться с опозданием. И наконец он вовсе перестал платить под тем предлогом, что девочки выросли и в состоянии сами обеспечить себя. Но ведь это не делает его убийцей, правда?

- Вы знали о связи его дядюшки?

- Вы имеете в виду Изабель?

- Известно ли вам, что принц де В. умер в воскресенье утром и сегодня похороны?

- Да, я читала в газете.

- Думаете ли вы, что, если бы Сент-Илер был жив, он женился бы на принцессе?

- Весьма вероятно. Я всегда надеялась, что в один прекрасный день они соединятся. Это было так трогательно: он говорил о ней как об особенном, почти неземном существе - а сам ценил земные радости, пожалуй даже слишком... - На этот раз она не сдержала улыбки. - Однажды, очень давно, уже не помню по какому поводу, я пошла повидать его - и едва отбилась. Он не смутился нимало. По его мнению, все это вполне естественно...

- Ваш муж об этом узнал?

Она пожала плечами:

- Разумеется, нет.

- Он был ревнив?

- По-своему. Мы редко бывали близки - вы понимаете, о чем я, - и близость наша была холодной, почти механической. Его бы покорило не то, что я могла увлечься другим мужчиной, а то, что я совершила ошибку, грех, предательство - поступок, который он считал недостойным. Извините, что я так много наговорила, и все не в его пользу, - но я ему не враг. Вы, наверное, заметили, что я ничуть не оправдываю себя. Мне остается недолго чувствовать себя женщиной - и я пользуюсь отпущенным мне сроком... - У нее были полные губы и блестящие глаза.

Она сидела заложив ногу за ногу. - Вы и в самом деле ничего не хотите выпить?

- Благодарю вас. Мне пора идти.

- Полагаю, все это останется между нами?

Он улыбнулся и направился к двери; женщина протянула ему пухлую горячую ладошку.

- Примусь снова за шитье, - прошептала она чуть ли не с сожалением.

И все же ему удалось вырваться, пусть на мгновение, из узкого кружка старых людей. Выходя из квартиры на улице Помп, он уже не удивлялся виду города, его звукам и запахам.

Мегрэ тут же нашел такси и поехал на улицу Сен-Доминик. Перед тем как зайти в особняк, он все же выпил кружку пива, от которой отказался у мадам Мазерон; в баре полно было шоферов из министерства и водителей личных машин.

Репортер так и стоял на своем посту.

- Видите, я не пытался следить за вами. Может, сами скажете, к кому вы ходили?

- К нотариусу.

- Узнали что-нибудь новое?

- Нет.

- Все еще никакого следа?

- Ни малейшего.

- Вы уверены, что в деле не замешана политика?

- Вроде нет.

Полицейский в мундире тоже был на месте. Мегрэ обогнул шахту лифта и позвонил в дверь. Ему открыл Жанвье, без пиджака; Жакетты в кабинете не было.

- Что ты такое натворил? Ты позволил ей выйти?

- Нет. Выйти она пыталась после телефонного звонка, заявив, что в доме нечего есть.

- И где она сейчас?

- У себя. Отдыхает.

- Что за телефонный звонок?

- Через полчаса после того, как вы ушли, зазвонил телефон, и я снял трубку. Это был женский голос, довольно слабый.

"Кто у телефона?" - спросила дама. Я не стал отвечать, а спросил в свою очередь: "Кто говорит?" - "Пригласите, пожалуйста, мадемуазель Ларрье". - "Кто ее спрашивает?" После недолгого молчания я услышал:

"Принцесса де В.". Все это время Жакетта смотрела на меня так, будто прекрасно знала, о чем идет речь. "Передаю трубку". Она подошла к телефону и тут же затараторила: "Это я, госпожа принцесса... Да... Я бы хотела туда пойти, но эти господа никуда не отпускают меня..."

Их тут понаехала целая прорва, со всякими аппаратами...

Меня допрашивали целый день, да и сейчас инспектор слушает, что я говорю..." - Жанвье добавил:

- Она, казалось, остерегалась меня. Потом уже не произносила ни слова, а только слушала.

"Да... Да, госпожа принцесса..."

Да... Понимаю... Сама не знаю... Нет... Да... Я попытаюсь... Да, мне бы тоже этого хотелось... Спасибо, госпожа принцесса..."

- И что она сказала потом?

- Ничего. Снова уселась в свое кресло. Молчала с четверть часа, потом проворчала, как бы нехотя: "Неужто вы так и не дадите мне выйти? Даже если в доме не осталось еды и мне придется"

обходиться без обеда". - "Об этом позаботятся". - "В таком случае я не понимаю, почему мы должны сидеть тут и смотреть друг на друга: пойду лучше отдохну. Это дозволяется?"

С тех пор она не выходила из своей комнаты. Заперлась там на ключ.

- Никто не приходил?

- Нет. Звонили из Американского агентства прессы, из провинциальных газет...

- Тебе ничего не удалось вытащить из Жакетты?

- Я задавал ей самые что ни на есть невинные вопросы, надеясь войти к ней в доверие. Но старая карга только посмеялась надо мной: "Молодой человек, стреляного воробья на мякине не проведешь. Если ваш начальник вообразил себе, будто я разоткровенничаюсь перед вами..."

- С Набережной не звонили?

- Нет. Только судебный следователь.

- Хочет видеть меня?

- Просил, чтобы вы связались с ним, если у вас есть новости. К нему приходил Ален Мазерон.

- И ты до сих пор молчал?

- Приберегал напоследок. Племянник ходил жаловаться, что вы прочли без разрешения личную переписку Сент-Илера. Он, как душеприказчик, требует, чтобы квартиру опечатали до оглашения завещания.

- И что ему сказал судебный следователь?

- Велел обратиться к вам.

- Но Мазерон не возвращался?

- Нет. Но может быть, он еще в пути: это сообщение я получил совсем недавно. Думаете, он придет?

Мегрэ постоял в нерешительности, наконец взял телефонную книгу, нашел нужное место, затем, не садясь, с серьезным, скучающим видом набрал номер:

- Алло! Я бы хотел поговорить с принцессой де В.

Комиссар Мегрэ из уголовной полиции... Да, я подожду...

В комнате установилась какая-то особая тишина.

Жанвье глядел на начальника, затаив дыхание. Прошло несколько минут.

- Я слушаю... Спасибо... Алло! Да, мадам, это комиссар Мегрэ. - Голос его звучал как-то необычно: он испытывал то же волнение, что и в детстве, когда обращался к графине де Сен-Фиакр. - Я подумал, что вы не откажетесь встретиться со мной, хотя бы затем, чтобы узнать подробности... Да... Да... Когда вам будет угодно... Значит, я прибуду на улицу Варенн через час...

Двое полицейских молча переглянулись. Мегрэ вздохнул.

- Тебе лучше остаться здесь, Жанвье, - сказал он наконец. - Позвони Люка, чтобы он к тебе кого-нибудь прислал, лучше всего Лапуэнта. Пускай старуха выходит, когда захочет; один из вас проследит за ней.

У него в запасе оставался час. Чтобы успокоиться, он зашел в библиотеку и вытащил из-за зеленой ширмы пачку писем.

"Я вас видела вчера в Лонгшампе; вы были в пиджаке, а вам известно, как мне это нравится. С вами под руку шла рыжая красавица, которая..."

Мегрэ не ожидал встретить в этом доме стойкий запах похорон, как это бывает в домах простых людей или даже добрых буржуа, где отдает свечами и хризантемами, где у вдовы красные глаза, а родственники, приехавшие издалека, в глубоком трауре, едят и пьют в свое удовольствие. Комиссар провел свое детство в деревне, и поэтому запах хорошего спиртного всегда ассоциировался у него со смертью и поминками.

"Выпей-ка это, Катрин, - уговаривали вдову перед тем, как направляться в церковь и на кладбище. - Тебе нужно собраться с силами".

И она пила, заливаясь слезами. Мужчины подкреплялись в таверне, а потом и дома.

Если утром траурный покров, расшитый серебряными слезками, и украшал парадную дверь, его давно уже сняли - обширный двор, наполовину погруженный в тень, наполовину залитый солнцем, приобрел свой обычный вид: шофер в униформе мыл длинный черный автомобиль, а еще три, один из которых - очень дорогой, спортивный, с желтым верхом, - дожидались своей очереди.

Здесь было так же просторно, как на Елисейских полях, и Мегрэ вспомнил, что в особняке В. часто происходят балы и благотворительные базары.

Поднявшись по ступеням, он толкнул стеклянную Дверь и оказался в холле, отделанном мрамором. Двустворчатые двери, распахнутые и слева и справа, позволяли видеть анфилады парадных комнат, где какие-то редкие вещи, несомненно старинные монеты и табакерки, о которых он столько слышал, были выставлены в витринах, точно в музее.

Должен ли он войти в одну из этих дверей и по широкой, с двумя пролетами лестнице подняться на второй этаж? Он стоял в нерешительности, когда дворецкий, возникший Бог знает откуда, бесшумно подошел к нему, взял у него из рук шляпу и тихо проговорил, не спрашивая имени гостя:

- Сюда.

Мегрэ проследовал за своим провожатым по лестнице, на втором этаже пересек еще какой-то салон, затем очень длинную залу, - по всей вероятности, картинную галерею.

Его не заставили ждать. Слуга открыл дверь и произнес приглушенным голосом:

- Комиссар Мегрэ.

Будуар, куда его ввели, выходил не во двор, а в сад, и ветви деревьев, где щебетали птицы, едва не касались раскрытых окон.

Какая-то фигура поднялась с кресла, и Мегрэ не сразу понял, что это и есть женщина, к которой он пришел: принцесса Изабель. Он не сумел скрыть изумления, потому что принцесса, подойдя к нему, сказала:

- Вы представляли меня по-другому, не правда ли?

Он молча стоял перед ней, не осмеливаясь сказать "да". Во-первых, хотя она и была в черном, костюм ее не создавал впечатления траурного: трудно объяснить почему. Глаза ее вовсе не были красными. Она не казалась убитой горем.

Она была меньше ростом, чем представлялось по фотографиям, но, в отличие, скажем, от Жакетты, годы не иссушили ее. У Мегрэ не было времени проанализировать свои впечатления. Это он сделает позже. Сейчас он только по привычке подмечал детали.

Больше всего его поразило то, что он увидел перед собой настоящую пышечку, с полными гладкими щеками и пухлым телом. На фотографии в комнате Сент-Илера, где она была изображена в длинном платье принцессы, ее бедра едва просматривались, теперь же они стали широкими, как у крестьянской бабы.

Был ли этот будуар, куда его провели, ее излюбленным местом? Стены увешаны старинными гобеленами. Паркет сверкал, каждый предмет стоял на своем месте - и, без какой-либо

определенной причины, это напомнило Мегрэ монастырь, где он когда-то бывал, навещая одну из своих теток, которая постриглась в монахини.

- Присаживайтесь, прошу вас.

Принцесса указала ему на вызолоченное кресло, но Мегрэ предпочел стул, хотя и опасался, что тонкие гнутые ножки не выдержат.

- Сначала у меня возникла была мысль пойти туда, - призналась она, тоже усаживаясь, - но я тут же сообразила, что его там больше нет. Ведь тело увезли в Институт судебной экспертизы?

Она не боялась ни слов, ни того, что за ними вставало. Лицо ее было спокойным, она почти улыбалась - и это тоже напоминало о монастыре, об особенной безмятежности сестер, у которых такой вид, будто они далеки от земной юдоли.

- Я бы хотела взглянуть на него в последний раз.

Мы к этому еще вернемся. Но прежде всего мне не терпится узнать, страдал ли он. Скажите откровенно.

- Будьте спокойны, мадам. Граф де Сент-Илер был убит на месте.

- Он был в кабинете?

- Да.

- Сидел за столом?

- Да. Кажется, правил гранки.

Она закрыла глаза, словно пытаясь представить эту картину, и Мегрэ настолько осмелел, что тоже задал вопрос:

- Вы когда-нибудь бывали на улице Сен-Доминик?

- Один-единственный раз, очень давно; меня впустила Жакетта. Я выбрала такой час, когда его заведомо не было дома. Мне хотелось узнать обстановку его жизни, чтобы в мыслях представлять его дома, в разных комнатах. - Внезапная мысль поразила ее. - Значит, вы не читали письма?

После недолгих колебаний он предпочел признаться:

- Я их просмотрел. Правда, не все...

- Они так и лежат в книжном шкафу в стиле ампир, с золотой решеткой?

Мегрэ кивнул.

- Я не сомневалась, что вы их прочтете. Я ни в чем не упрекаю вас. Я понимаю, что это ваш долг.

- Как вы узнали о его смерти?

- От невестки. Мой сын Филипп приехал из Нормандии на похороны с женой и детьми.

Вернувшись с кладбища, моя невестка просмотрела одну из газет; слуги обычно оставляют их на столике в холле.

- Вашей невестке известно все?

Она взглянула на Мегрэ с искренним изумлением.

Если бы речь шла о другой женщине, он подумал бы, что она играет роль.

- Известно - что?

- Ваши отношения с графом де Сент-Илером.

Улыбнувшись, она стала еще больше походить на монахиню.

- Разумеется. Как она могла этого не знать? Мы никогда не скрывались. Мы не делали ничего дурного. Арман был очень дорог мне...

- Ваш сын тоже был с ним знаком?

- Мой сын тоже все знал, а когда он был еще ребенком, я однажды издали показала ему Армана. Думаю, это было в Отее...

- Они никогда не встречались?

Она ответила, повинуясь собственной логике:

- А зачем им было встречаться?

Птицы возились в листве, громко чирикавая, и приятная свежесть доносилась из сада.

- Не выпьете ли чашечку чаю?

Жена Алена Мазерона на улице Помп предлагала пива. Здесь - чай.

- Нет, благодарю вас.

- Расскажите мне все, что вам известно, месье Мегрэ. Видите ли, за пятьдесят лет я привыкла в мыслях всегда быть рядом с ним. Каждый час, каждую минуту я знала, чем он занимается. Я посетила все города, где он жил, пока еще служил послом, и по договоренности с Жакеттой осмотрела все его последующие квартиры. В котором часу он скончался?

- Насколько мне известно, между одиннадцатью часами и полуночью.

- Но он еще не собирался ложиться.

- Откуда вы знаете?

- Потому что перед тем, как уйти в спальню, он всегда добавлял какое-нибудь словечко к одному из тех писем, которые он писал мне ежедневно. Начинал он его утром, каждый раз с одних и тех же слов: "Добрый день, Изи..." Так он приветствовал бы меня по пробуждении, если бы судьба позволила нам жить вместе. В течение дня он добавлял еще несколько строк, а вечером рассказывал все, что он делал. Заканчивалось письмо тоже всегда одинаково: "Доброй ночи, красавица Изи..." - Она смущенно улыбнулась. - Извините, что повторяю его слова: это, вероятно, звучит смешно. Для него я навсегда осталась двадцатилетней Изабель.

- Но ведь он видел вас и позже.

- Да, издали. И знал, что я превратилась в старуху, но для него настоящее менее реально, чем прошлое.

Можете ли вы это понять? Ведь для меня он тоже не изменился. А теперь расскажите мне, что произошло.

Рассказывайте все, не старайтесь меня щадить. В моем возрасте у людей крепкие нервы. Вошел убийца. Кто?

Каким образом?

- Кто-то действительно вошел, потому что ни в этой комнате, ни в других не нашли никакого оружия.

Поскольку Жакетта утверждает, что в девять часов она, как обычно, заперла дверь, набросив задвижку и цепочку, напрашивается вывод, что граф де Сент-Илер сам открыл посетителю. Не знаете ли вы, имел ли он обыкновение принимать гостей по вечерам?

- Нет, не имел. Выйдя в отставку, он стал педантичен и вел практически неизменный образ жизни. Я могу показать его письма за последние годы... Вы убедитесь, что первые фразы часто повторяются: "Добрый день, Изи. Как обычно, приветствую вас; начинается новый день, и я начинаю свое рутинное, однообразное кружение..."

Дни его были расписаны по часам, там не было места чему-то непредвиденному.

Разве если я получу письмо с вечерней почтой... Но нет! Ведь их отправляла Жакетта, по утрам, когда ходила покупать круассаны. Если бы она сегодня опустила письмо в почтовый ящик, то сказала бы мне по телефону...

- Что вы о ней думаете?

- Она была очень предана нам, Арману и мне. Когда он в Швейцарии сломал себе руку, она писала мне под его диктовку, а когда, позже, ему сделали операцию, она каждый день писала мне, сообщая о его самочувствии.

- Вам не кажется, что она ревновала?

Она вновь улыбнулась; Мегрэ никак не мог привыкнуть к этой улыбке. Он ожидал увидеть более или менее бурные проявления горя, и это безмятежное спокойствие не переставало изумлять его.

Будто бы смерть в этом мире значила меньше, чем в других местах: Изабель словно освоилась с ней и без страха смотрела в лицо естественному ходу земного существования.

- Да, она ревновала - так собака ревнует своего хозяина.

Он не решался задать некоторые вопросы, поднять некоторые темы - и принцесса сама вытаскивала их на свет Божий с обезоруживающей простотой.

- Если когда-то раньше она и ревновала как-то иначе, то к его любовницам, не ко мне.

- Вы полагаете, она тоже была его любовницей?

- Разумеется, была.

- Он вам об этом писал?

- Он ничего от меня не скрывал, даже тех постыдных вещей, какие мужчины обычно не поверяют своим женам. Вот что он писал мне, например, несколько лет тому назад: "Жакетта сегодня нервничает. Нужно бы вечером доставить ей удовольствие..." - Ее, казалось, забавляло изумление Мегрэ. - Вас это удивляет?

Но ведь это так естественно!

- И вы тоже не ревновали?

- К подобным вещам - нет. Я боялась только одного: что он встретит женщину, способную занять мое место в его помыслах. Но рассказывайте дальше, комиссар.

Значит, об этом посетителе ничего не известно?

- Известно лишь то, что он стрелял из оружия крупного калибра; возможно, из автоматического пистолета калибра 7,65.

- Куда попала пуля?

- В голову. Судебный врач утверждает, что смерть наступила мгновенно. Тело сползло с кресла на ковер.

И тут убийца выстрелил еще три раза.

- Но зачем, если Арман был уже мертв?

- Мы этого не знаем. Был ли убийца вне себя? Может, приступ ярости лишил его хладнокровия? Пока трудно ответить на этот вопрос. На суде убийцу часто обвиняют в особой жестокости, если он, например, в неистовстве нанес жертве множество ударов ножом.

Но, судя по моему опыту и по опыту моих коллег, так поступают прежде всего очень робкие люди, - может быть, даже, хотя я и не осмеливаюсь это сказать, люди чувствительные. Их охватывает паника, они не могут видеть страданий жертвы и теряют голову...

- Вы думаете, нечто подобное произошло и здесь?

- Возможно, речь идет о мести, о ненависти, копившейся годами, - но такое встречается реже.

Он начинал чувствовать себя свободно с этой старой дамой, которая без страха говорила обо всем и выслушивала любые вести.

- Потом, такой версии противоречит тот факт, что убийца тотчас же подумал о том, чтобы подобрать гильзы. По всей видимости, они были разбросаны по всей комнате, на порядочном расстоянии друг от друга. Он не забыл ни одной, к тому же нигде не оставил отпечатков пальцев.

Я спрашиваю себя вот о чем, особенно после того, как вы рассказали мне о своих отношениях с Жакеттой. Утром, обнаружив труп, она и не подумала позвонить вам и отправилась не в комиссариат полиции, а в министерство иностранных дел.

- Думаю, я в состоянии это объяснить. После смерти моего мужа телефон звонил не переставая. Едва знакомые люди осведомлялись о дне похорон или выражали соболезнования. Мой сын пришел в ярость и решил отключить телефон.

- Значит, можно предположить, что Жакетта пыталась связаться с вами?

- Весьма вероятно. И если она не пришла сама сообщить мне новость, то лишь потому, что, как ей казалось, в день похорон меня будет трудно застать одну.

- Знаете ли вы врагов графа де Сент-Илера?

- Ни единого.

- Писал ли он вам что-нибудь о своем племяннике?

- Вы встречались с Аленом?

- Сегодня утром.

- Что он сказал?

- Ничего. Он направился к месье Обонне. Оглашение завещания состоится завтра, нотариус свяжется с вами, ибо ваше присутствие обязательно.

- Я знаю.

- Вам известны условия завещания?

- Арман хотел оставить мне мебель и личные вещи, - таким образом, если он уйдет раньше меня, у меня сохранилось бы ощущение, будто я была его женой.

- Вы примете это наследство?

- Но ведь такова его воля, не так ли? И моя тоже.

Если бы он не умер, то по окончании траура я стала бы графиней де Сент-Илер. Мы давно уже решили это.

- Ваш муж знал об этих планах?

- Ну конечно.

- А ваш сын и невестка?

- Не только они, но и все наши друзья. Повторяю: нам нечего было скрывать. Теперь я буду вынуждена, из-за имени, которое я продолжаю носить, оставаться в этом огромном доме, вместо того чтобы исполнить давнюю мечту и переехать на улицу Сен-Доминик. Но я воссоздам квартиру Армана здесь. Мне недолго осталось жить, но и этот короткий срок я проведу в привычной ему обстановке - так, словно бы я была его вдовой. Вы понимаете?

Что-то во всем этом раздражало Мегрэ. И все же он был пленен этой необычной женщиной - таких ему до сих пор не приходилось встречать. Привлекала и легенда, которую они с Сент-Илером создали и в которой жили.

На первый взгляд легенда эта была такой же нелепой, как и детские сказки или назидательные истории в книгах.

Но здесь, рядом с этой женщиной, Мегрэ с удивлением осознал, что верит всему. Он смотрел на все их глазами, разделял их чувства - точно так же в монастыре тетушки он, преисполнившись благочестия, ходил на цыпочках и говорил вполголоса.

Но внезапно он взглянул на свою собеседницу другими глазами, глазами человека с набережной Орфевр, и его охватило возмущение.

Уж не разыгрывают ли его? Уж не сговорились ли между собой все эти люди: Жакетта, Ален Мазерон, его жена, в обтягивающих брючках, Изабель и даже нотариус Обонне?

У него на руках был покойник, подлинный, непридуманный труп, с пробитым черепом и раскroенным животом. А это предполагало, что существовал и убийца, причем следовало иметь в виду, что первый попавшийся проходимец не смог бы с легкостью проникнуть к бывшему послу и убить его на месте: тот позвал бы на помощь, стал бы защищаться.

С годами Мегрэ понял: никто не убивает без мотива, более того - без мотива весомого. И даже если в этом случае речь шла о сумасшедшем или сумасшедшей, это был человек из плоти и крови, близко знакомый с жертвой.

Может быть, безумна недоверчивая, враждебно настроенная Жакетта? А может, сошел с ума Мазерон, которого жена обвиняла в моральной жестокости? А вдруг помешалась сама Изабель?

Всякий раз, когда в голову Мегрэ закрадывались такие мысли, он забывал о приличиях, задавал бестактные вопросы - только лишь затем, чтобы стряхнуть с себя эту заразительную елейность.

И всякий раз удивленный, простодушный или даже лукавый взгляд принцессы обезоруживал его и вгонял в краску.

- В общем, вам не приходит в голову, кому было бы выгодно убить Сент-Илера?

- О выгоде говорить не приходится. Вам не хуже, чем мне, известны основные статьи завещания.

- А вдруг Алену Мазерону срочно нужны деньги?

- Дядя всегда помогал ему в затруднительных обстоятельствах и в любом случае оставил бы ему состояние.

- Мазерон это знал?

- Несомненно. По смерти моего мужа мы с Арманом поженились бы, это правда, но я никогда бы не допустила, чтобы моя семья наследовала ему.

- А Жакетта?

- Она знала, что ее старость обеспечена.

- Она также знала, что вы намерены поселиться на улице Сен-Доминик.

- Она ликовала по этому поводу.

Что-то во всем этом возмущало Мегрэ. Все это было так неестественно, так не похоже на людей.

- А ваш сын?

Удивленная, она ждала, чтобы Мегрэ пояснил свою мысль. Но тот молчал, и принцесса ответила вопросом на вопрос:

- Какое отношение мой сын может иметь к этому делу?

- Я не знаю. Я ищу. Все же он наследник имени.

- Он бы им и оставался, продолжай Арман жить.

Разумеется! Но не видел ли он унижения в повторном браке матери с Сент-Илером?

- Вчера вечером ваш сын был дома?

- Нет. Он с женой и детьми отправился в гостиницу на площади Вандом, где по обыкновению останавливается, когда наезжает в Париж.

Сдвинув брови, Мегрэ сверлил взглядом стены, словно пытаюсь прикинуть, насколько огромен особняк на улице Варенн. Разве мало в нем пустующих комнат, целых анфилад?

- Вы хотите сказать, что после женитьбы он никогда не жил в этом доме?

- Начнем с того, что он редко приезжает в Париж, и всегда ненадолго: светская жизнь его приводит в ужас.

- А его жену?

- Тоже. Когда они только что поженились, то держали квартиру в этом доме. Затем родился ребенок, потом второй, третий...

- Сколько у них детей?

- Шестеро. Старшему двадцать лет, младшему - семь. Возможно, это вас шокирует, но я не могу жить в одном доме с детьми. Ошибкой было бы полагать, что все женщины созданы для материнства. Родив Филиппа, я исполнила свой долг. И я занималась им лишь тогда, когда была обязана это делать. И сейчас, годы спустя, я бы не вынесла криков и беготни в доме. Мой сын это знает. Его жена тоже.

- И они не обижаются?

- Они меня принимают такой, какая я есть, со всеми моими недостатками и причудами.

- Значит, вчера вечером с вами никого не было?

- Оставались слуги и две монахини, которые читали отходную. Аббат Гож, мой исповедник и старый друг, просидел до десяти часов.

- Но вы недавно сказали мне, что сын и его семейство сейчас находятся в доме.

- Они ждут, чтобы попрощаться со мной, - во всяком случае, невестка и внуки. Вы, должно быть, видели во дворе их машину. Они все едут в Нормандию, кроме сына, который завтра должен сопроводить меня к нотариусу.

- Мог бы я вкратце переговорить с вашим сыном?

- Почему бы и нет? Я ждала этой просьбы. Я даже думала, что вы захотите встретиться со всей семьей, поэтому и попросила невестку немного отложить отъезд.

Было это простодушие? Вызов? И если вернуться к теории английского врача, удалось бы какому-нибудь учителю раньше, чем Мегрэ, докопаться до правды?

Более, чем когда бы то ни было, он чувствовал себя приниженным, обескураженным перед человеческими существами, о которых пытался вынести суждение.

- Пройдите сюда.

Она провела его по галерее и с минуту помедлила, держась за ручку двери, из-за которой доносились голоса. Наконец она открыла дверь и без лишних церемоний произнесла:

- Комиссар Мегрэ...

Войдя в просторную комнату, комиссар сначала заметил мальчика, который ел пирожное, потом девочку лет десяти, которая что-то шепотом спрашивала у матери.

Та была высокой полной блондинкой лет сорока, с очень розовой кожей; всем своим обликом она напоминала тех пышных голландок, каких изображают на олеографиях и почтовых открытках.

Тринадцатилетний мальчуган выглядывал в окно.

Принцесса называла имена, а Мегрэ запоминал лица, одно за другим; впоследствии они составят цельную картину, как части головоломки.

- Фредерик, старший...

Очень высокий юноша, белокурый, как и его мать, слегка поклонился, не подав руки.

- Он тоже хочет стать дипломатом.

Здесь были еще девочка пятнадцати лет и мальчик лет двенадцати-тринадцати.

- Филипп еще не пришел?

- Он спустился посмотреть, не готова ли машина.

Создавалось впечатление, будто жизнь остановилась здесь, словно в зале ожидания вокзала.

- Проходите сюда, месье Мегрэ.

Они двинулись по другому коридору, в конце которого встретили высокого мужчину, - с тоской во взоре тот смотрел, как они приближаются.

- Я искала вас, Филипп. Комиссар Мегрэ хотел бы переговорить с вами. Где вам угодно его принять?

Филипп несколько рассеянно протянул руку, однако, судя по всему, ему было любопытно так близко видеть полицейского.

- Все равно где. Хоть бы и здесь.

Он толкнул дверь, и они оказались в кабинете с красной обивкой, где на стенах висели портреты предков.

- Я оставляю вас, месье Мегрэ; прошу вас, держите меня в курсе всех новостей. Когда тело привезут на улицу Сен-Доминик, пожалуйста, дайте мне знать.

И принцесса мгновенно исчезла, словно растворилась в воздухе.

- Вы желали говорить со мной?

Чей это был кабинет? Скорее всего, ничей: по всему было видно, что тут никто не работал. Филипп де В. указал Мегрэ на стул и протянул портсигар.

- Благодарю вас.

- Вы не курите?

- Только трубку.

- Я обычно тоже. Но только не в этом доме. Мою мать это приводит в ужас. - В голосе его слышалась скука, может даже нетерпение. - Полагаю, вы хотите поговорить со мной о Сент-Илере?

- Вам известно, что его убили прошлой ночью?

- Жена только что сказала мне. Признайтесь, странное совпадение.

- Вы хотите сказать, что его смерть могла быть как-то связана с кончиной вашего отца?

- Откуда мне знать? В газете ничего не пишут о подробностях преступления. Полагаю, самоубийство можно исключить?

- Почему вы спросили? У графа были причины покончить с собой?

- Я не вижу ни единой, но никогда нельзя угадать, что у человека на уме.

- Вы его знали?

- Когда я был ребенком, мать как-то показала мне его. Потом мы встречались в свете.

- Вы говорили с ним?

- Никогда.

- Вы были на него в обиде?

- С какой стати?

Он тоже искренне удивлялся подобным вопросам.

У него тоже был вид честного человека, которому нечего скрывать.

- Всю свою жизнь мать питала к нему некую мистическую любовь, которой не приходилось стыдиться.

Мой отец первый улыбался, слыша об этом; даже бывал чуточку растроган.

- Когда вы приехали из Нормандии?

- В воскресенье после полудня. На прошлой неделе, после несчастного случая с отцом, я приезжал один, но потом уехал снова, видя, что жизнь его вне опасности. В воскресенье, когда мать позвонила мне и сказала, что он умер от приступа уремии, я был поражен.

- Вы поехали всей семьей?

- Нет. Жена и дети прибыли только в понедельник.

Кроме, разумеется, старшего сына, который учится в школе.

- Ваша мать говорила с вами о Сент-Илере?

- Что вы имеете в виду?

- Мой вопрос, может быть, покажется смешным.

Сказала ли она вам в какой-то определенный момент, что собирается выйти замуж за графа?

- Излишне было бы говорить об этом. Я уже давно знал, что, если отец умрет раньше матери, этот брак состоится.

- Вы никогда не вели такую же светскую жизнь, как ваш отец?

Вопрос, казалось, удивил его, и он задумался, прежде чем ответить.

- Кажется, я начинаю понимать, к чему вы клоните. Вы видели в журналах фотографии отца и матери, когда они прибывали с визитом к какому-нибудь европейскому двору, присутствовали на великосветской свадьбе или помолвке. Я, естественно, принимал участие в подобных церемониях в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Последнюю дату я назвал весьма приблизительно. Потом я женился и уехал в деревню. Мать говорила вам, что я закончил Сельскохозяйственный институт в Гриньоне? Отец отписал мне одно из своих имений в Нормандии, там я и живу со всей семьей. Вы именно это хотели узнать?

- Вы кого-нибудь подозреваете?

- В убийстве Сент-Илера?

Мегрэ показалось, что губы его собеседника слегка дрогнули, но он не осмелился бы это утверждать.

- Нет. Подобные подозрения лучше держать при себе.

- И все же у вас есть какое-то предположение?

- Оно совершенно несостоятельно, и я предпочитаю о нем умолчать.

- Вы подумали о ком-то, чья жизнь изменилась бы со смертью вашего отца?

Филипп де В. потупил взгляд, затем снова посмотрел на Мегрэ:

- Одна мысль пришла мне в голову, но я не стал задерживаться на ней. Я столько слышал о Жакетте и ее преданности... - Он, казалось, был недоволен тем оборотом, который принимал разговор. - Мне не хотелось бы показаться нелюбезным, но я должен попрощаться с домашними: желательно, чтобы они доехали до темноты.

- Вы остаетесь на какое-то время в Париже?

- До завтрашнего вечера.

- Будете жить на площади Вандом?

- Мать сказала вам?

- Да. Для очистки совести я должен задать вам последний вопрос, прошу на меня не обижаться. Я был вынужден задать его также и вашей матери.

- Где я был вчера вечером, я полагаю? В котором часу?

- Положим, от десяти до полуночи.

- Немалый промежуток времени. Погодите! Я ужинал здесь, с матерью.

- Наедине?

- Да. Я ушел где-то в половине десятого, когда явился аббат Гож, к которому я не питаю особой симпатии.

Затем я поехал в гостиницу, обнять жену и детей.

Наступило молчание. Филипп де В. глядел прямо перед собой, явно смущенный, не решаясь продолжать.

- Потом я вышел подышать свежим воздухом на Елисейские поля...

- Вы гуляли там до полуночи?

- Нет.

На этот раз он заглянул Мегрэ прямо в лицо с несколько пристыженной улыбкой.

Вам это покажется странным, особенно если учесть, что я в трауре. Но для меня это нечто вроде традиции. В Женту меня слишком хорошо знают, чтобы я мог позволить себе какие-либо похождения: мне это и в голову не приходит. Может, виной всему воспоминания молодости? Всякий раз, когда я бываю в Париже, я имею обыкновение проводить пару часов с хорошенькой женщиной. А поскольку я не желаю, чтобы это имело продолжение и как-то осложнило мою жизнь, то и удовлетворяюсь...

Он неопределенно махнул рукой.

- Всегда на Елисейских полях? - уточнил Мегрэ.

- Я бы никогда не признался в этом жене: она бы не поняла. Для нее существует только определенный круг...

- Как девичья фамилия вашей жены?

- Ирен де Маршанжи... Могу добавить, если это вам окажется полезным, что моя вчерашняя подружка - темноволосая, не очень высокая, одета в светло-зеленое платье, над грудью - родимое пятно. Кажется, над левой грудью, но я не вполне уверен.

- Вы пошли к ней?

- Думаю, девушка живет в гостинице на улице Берри, куда она меня привела: в шкафу висели ее платья, а в ванной лежали личные вещи.

Мегрэ улыбнулся:

- Простите мою настойчивость, вы проявили массу терпения.

- Вы убедились, что я тут ни при чем? Сюда! Вам придется спуститься без меня: я так тороплюсь... - Он взглянул на часы и протянул комиссару руку. - Удачи вам!

Во дворе шофер дождался около лимузина, мотор которого еле слышно рокотал.

Через пять минут Мегрэ, как пловец в морскую пучину, бросился в густую вонь какого-то быстро и заказал себе кружку пива.

Глава 6

Мегрэ разбудил солнечный луч, проникший сквозь жалюзи, и жестом, который после стольких лет сделался машинальным, он протянул руку туда, где обычно спала жена. Простыни еще хранили ее тепло. Из кухни доносился аромат свежесмолотого кофе и клототание закипающей воды.

Здесь, как и на аристократической улице Варенн, птицы щебетали на ветвях, хотя и не так близко от окон, и Мегрэ ощущал во всем теле блаженную истому, к которой примешивалось, правда, какое-то смутное, неприятное ощущение.

Ночь он провел беспокойно. Ему постоянно что-то снилось, и, насколько комиссар мог припомнить, он по крайней мере единожды проснулся в холодном поту.

И разве жена не уговаривала его тихим голосом, протягивая стакан воды?

Припомнить сон оказалось нелегко. Разные сюжеты перепутались, и он без конца терял нить. Но о чем бы ни шла речь, он, Мегрэ, всегда оказывался в унижительном положении.

Ярче всего вспоминалась одна картина: какой-то дом, похожий на особняк В., более обширный, но не такой роскошный. Он напоминал то ли монастырь, то ли министерство, с бесконечными коридорами и бесчисленными дверьми.

Он не слишком отчетливо помнил, зачем пришел туда. Он знал только, что должен добиться чего-то жизненно важного. Но внутри никто не мог указать ему путь. Пардон еще на улице предупредил его, прощаясь. Во сне он не видел ни доктора Пардона, ни улицы, но тем не менее был уверен, что друг его предупредил.

Правда заключалась в том, что ему нельзя было спрашивать дорогу. Сначала он пытался делать это, но вскоре понял, что так не принято. Старики только глядели на него с улыбкой и качали головами.

А старики были всюду. Возможно, он попал в дом престарелых или в богадельню, хотя дом и выглядел слишком роскошно.

Он узнал Сент-Илера, очень прямого, розовощекого, с белоснежными шелковистыми сединами. Очень красивый мужчина; он это знал и, казалось, насмеялся над комиссаром. Месье Обонне сидел в кресле на обитых резиной колесиках и развлекался тем, что на полной скорости гонял взад-вперед по длинной галерее.

Было там множество других, в том числе принц де В., который сидел, положив руку на плечо Изабель, и снисходительно наблюдал за усилиями Мегрэ.

Комиссар оказался в сложном положении, поскольку его еще не ввели в круг посвященных и отказывались сообщить, каким испытаниям он должен подвергнуться.

В таком положении оказывается новобранец в армии, новичок в школе. Над ним откровенно насмеялись.

Например, стоило ему открыть дверь, как она захлопывалась сама собой или же вместо комнаты или салона за ней оказывался новый нескончаемый коридор.

Только старая графиня де Сен-Фиакр была готова ему помочь. Не имея права заговорить с ним, она жестами давала понять, в чем дело. Так, она похлопала себя по коленям, и, опустив глаза, Мегрэ обнаружил, что на нем - короткие штанишки.

На кухне мадам Мегрэ наконец заварила кофе. Мегрэ открыл глаза, с досадой припоминая дурацкий сон.

В общем, он вроде бы выставил свою кандидатуру, будто бы в клуб, в данном случае - в клуб стариков. Но его не приняли всерьез, потому что сочли мальчишкой.

Даже сейчас, сидя на постели и рассеянно следя, как жена, поставив на ночной столик чашку кофе, поднимает жалюзи, он чувствовал себя оскорбленным.

- Не стоило тебе вчера есть улиток...

Чтобы обсудить впечатления бездарно прошедшего дня, он повел жену в ресторан, где подавали улиток.

- Как ты себя чувствуешь?

- Хорошо.

Он не позволит какому-то сну выбить себя из колеи.

Он выпил кофе, прошел в столовую и за завтраком просмотрел газету.

Приводились новые подробности смерти Армана де Сент-Илера и была напечатана довольно хорошая фотография. Красовалась на газетной полосе и фотография Жакетты, входившей в молочную лавку. Ее засняли накануне, в конце дня, когда старуху все же выпустили за покупками, и Лапуэнт шел за ней по пятам.

"На набережной Орсе категорически отменяют версию о политическом убийстве. Напротив, в хорошо информированных кругах смерть графа связывают с другой кончиной, имевшей место три дня назад".

Это означало, что в следующем номере будет приведена со всеми подробностями история Сент-Илера и Изабель.

Мегрэ по-прежнему чувствовал себя тяжелым и вялым; в такие минуты он вообще сожалел, что не избрал себе другой профессии.

Он дождался автобуса на площади Вольтера и, по счастью, занял место на площадке, где курил трубку и поглядывал, как мимо проносятся улицы. На набережной Орфевр он помахал рассыльному и поднялся по лестнице, которую уборщица еще подметала, чуть-чуть спрыснув водой, чтобы не слишком пылить.

У себя в кабинете он нашел целую грудку документов, рапортов, фотографий.

Снимки покойного впечатляли. На некоторых он был изображен целиком, так, как его обнаружили, с ножкой письменного стола на переднем плане и пятнами крови на ковре. Были отдельные снимки головы, груди, живота в тот момент, пока графа еще не раздели.

Другие пронумерованные фотографии показывали входное отверстие каждой пули и темную припухлость под кожей спины, где остановилась пуля, пробившая ключицу.

В дверь постучали, и явился отдохнувший, свежесбривший Люка, с мочкой уха, присыпанной тальком.

- Пришел Дюпе, начальник.

- Впусти его.

У инспектора Дюпе, как и у сына Изабель, было многочисленное семейство, шестеро или семеро ребятишек, но Мегрэ без всякой иронии поручил ему накануне некую деликатную миссию. Просто он оказался под рукой в нужный момент.

- Ну что?

- Все, что рассказал принц, - чистая правда. Я отправился на улицу Берри часам к десяти вечера. Как обычно, там прогуливалось четыре или пять девиц.

Среди них только одна была темноволосая и маленького роста, и она заявила, что вчера не приходила сюда: ездила в деревню проведать своего малыша.

Я довольно долго прождал, пока не увидел другую, она выходила из гостиницы с каким-то американским солдатом.

"А почему вы спрашиваете? - забеспокоилась она, когда я задал ей вопрос. - Его ищет полиция?" - "Вовсе нет. Мы просто проверяем показания". - "Высокий мужчина лет пятидесяти, такой здоровяк?" - Дюпе продолжал:

- Я спросил у девушки, есть ли у нее родинка над грудью, и она ответила - да, и еще одна, на бедре.

Разумеется, мужчина не назвал ей своего имени, но позавчера вечером она была только с ним, потому что он заплатил ей в три раза больше того, что она обычно берет.

"Хотя он и остался всего лишь на полчаса..." - "В котором часу он подошел к вам?" - "Без десяти одиннадцать. Я это хорошо помню, потому что как раз выходила из ближнего бара, куда завернула выпить чашечку кофе, - а там за прилавком стояли часы".

Мегрэ заметил:

- Если он провел с ней всего лишь полчаса, значит, он ушел в половине двенадцатого?

- Так она утверждает.

Сын Изабель не солгал. Похоже, в этом деле не лгал никто. Правда, покинув улицу Берри в половине двенадцатого, он вполне мог до полуночи очутиться на улице Сен-Доминик.

Но зачем могло бы ему понадобиться навещать старого возлюбленного своей матери? Более того, зачем убивать его?

Не больше повезло комиссару и с племянником, Аленом Мазероном. Когда накануне, перед обедом, Мегрэ зашел на улицу Жакоб, он никого там не обнаружил.

В восемь часов он звонил, но никто не снял трубку.

И он поручил Люка с утра пораньше отправить кого-нибудь к антиквару. И вот Бонфис зашел в кабинет со столь же обескураживающими сведениями.

- Он и ухом не повел, когда я стал задавать ему вопросы.

- Лавка была открыта?

- Нет. Мне пришлось позвонить. Он выглянул в окно второго этажа, потом спустился в помочах, небритый. Я спросил, что он делал вчера днем и вечером. Он заявил, что сначала ходил к нотариусу.

- Это верно.

- Еще бы. Потом он отправился на улицу Друо, где проходил аукцион касок, форменных пуговиц и оружия наполеоновской эпохи. Он утверждает, будто некоторые коллекционеры так и рвут из рук эти реликвии. Он приобрел один лот и показал мне розовую карточку с описью предметов, которые этим утром предстоит забрать.

- А после?

- Пошел обедать в ресторан на улице Сены, где он столуется почти всегда. Я проверял.

И этот не солгал! Ничего себе ремесло, думал Мегрэ, когда тебя огорчает, что человек не оказался убийцей! И все же так оно и есть: комиссар невольно злился на этих людей, которые были невиновны или казались таковыми.

Ибо, несмотря ни на что, труп оставался трупом.

Мегрэ снял трубку:

- Не могли бы вы спуститься, Мере?

Он не верил в преступления, задуманные и осуществленные без сучка и задоринки. За двадцать пять лет службы в уголовной полиции такие ему не встречались. Конечно, он мог припомнить преступления, оставшиеся безнаказанными. Часто виновный бывал обнаружен, но ему удавалось ускользнуть за границу. Вспоминались еще отравления, немотивированные убийства.

Но здесь не тот случай. Никакой злоумышленник не смог бы проникнуть в квартиру на улице Сен-Доминик, выпустить четыре пули в старика, сидящего за письменным столом, а потом удалиться, ничего не взяв.

- Входите, Мере. Присаживайтесь.

- Вы прочли мой рапорт?

- Еще нет.

Мегрэ не желал признаваться, что у него не хватало духу читать этот рапорт, как и восемнадцать страниц судебно-медицинского заключения. Накануне он оставил Мерса и его людей собирать вещественные доказательства и полностью им доверял, зная, что от них не укроется ни одна деталь.

- Гастинн-Ренетт представил свое заключение?

- Оно в папке. Это был автоматический пистолет калибра 7,65 - или браунинг, или один из его многочисленных аналогов, каковых полно в продаже.

- Вы уверены, что в комнате не осталось ни одной гильзы?

- Мои люди прочесали пол сантиметр за сантиметром.

- Пистолет тоже не нашли?

- Ни пистолета, ни боеприпасов: только охотничьи ружья и патроны к ним.

- Отпечатки пальцев?

- Старухи, графа и жены консьержа. Я их прихватил на всякий случай. Жена консьержа дважды в неделю приходила помогать Жакетте Ларрье делать генеральную уборку.

Мере тоже был смущен и недоволен:

- Я приложил опись предметов, найденных в ящиках стола и в шкафах. Потрошил их добрую часть ночи, но не обнаружил ничего странного или неожиданного.

- Деньги?

- Несколько тысяч франков в бумажнике, мелочь в кухонном ящике, а в письменном столе - чековые книжки банка Ротшильда.

- Корешки были?

- Да, были. Бедный старикан настолько не предвидел своей кончины, что десять дней тому назад заказал костюм у портного с бульвара Гаусман.

- На подоконнике никаких следов?

- Никаких.

Они обменялись понимающими взглядами. Они уже давно работали вместе и не могли припомнить дела, когда, прибыв, как это пишут в газетах, на место преступления, они тут же не обнаружили бы детали, более или менее выбивающиеся из нормальной картины.

А здесь всюду царил неукоснительный, непогрешимый порядок. Всему находилось логическое объяснение - кроме конечно же гибели старика.

Можно было бы, протерев рукоятку пистолета и вложив его графу в руку, инсценировать самоубийство.

Но тогда, естественно, следовало ограничиться первым выстрелом. Но зачем же было стрелять еще три раза?

И почему так и не нашли автоматический пистолет старого посла? У него такой был. Старуха Жакетта призналась, что видела его несколько месяцев назад, в спальне, в ящике комода.

Пистолета в спальне больше не было, и, судя по описанию служанки, он был того же размера и веса, что и калибр 7,65.

Предположим, старый посол впустил кого-то к себе...

Кого-то, хорошо ему знакомого, потому что он снова уселся за стол, как был, в халате...

Перед ним стояла бутылка коньяку и бокал... Почему он не предложил гостю выпить?

Как можно представить себе подобную сцену? Гость проходит в спальню, по коридору или через столовую; завладевает пистолетом, возвращается в кабинет, приближается к графу и стреляет в упор...

- Не вяжется... - вздыхал Мегрэ.

К тому же должен был существовать мотив, и мотив достаточно веский: ведь человек, совершивший это, рискует головой.

- Думаю, ты не проверял Жакетту на парафиновый тест?

- Не решился, не переговорив с вами.

Когда используют огнестрельное оружие, особенно автоматический пистолет, при выстреле на определенное расстояние распространяются характерные частицы: они въедаются в кожу стрелявшего, особенно в ладонь, и остаются там какое-то время.

Мегрэ подумывал об этом накануне. Но есть ли у него право подозревать старую экономку больше, чем кого бы то ни было другого?

Ей, конечно, легче всего было бы совершить это преступление. Она знала, где взять оружие, могла, пока хозяин работал, свободно расхаживать по квартире, не возбуждая подозрений; могла подойти к нему, выстрелить - а когда тело соскользнуло на ковер, она вполне могла продолжать давить на гашетку.

И она была такая чистюля, что не преминула тут же подобрать все гильзы.

Но можно ли верить в то, что она тут же спокойно улеглась спать, в нескольких метрах от своей жертвы? Что утром, направляясь на набережную Орсе, она остановилась где-нибудь, например на набережной Сены или на мосту Согласия, чтобы избавиться от оружия и гильз?

У нее был мотив, - вернее, подобие мотива. Около пятидесяти лет она жила рядом с Сент-Илером, под его кровом. Граф ничего не скрывал от нее, и, по всей вероятности, когда-то их связывали более тесные отношения.

Посол вроде бы не придавал этому особого значения. Изабель говорила об этом с улыбкой.

А Жакетта? Не была ли она, в конце концов, истинной подругой старика?

Она знала о его платонической любви к принцессе, отправляла его ежедневные послания к ней, она же как-то раз впустила Изабель в квартиру, когда хозяина не было дома.

А что, если...

Эта гипотеза претила Мегрэ, казалась слишком легкой. Он мог ее сформулировать, но не чувствовал ее.

Принц де В. умер, Изабель обрела свободу, и старые влюбленные имели наконец полное право соединиться.

Оставалось дожидаться конца траура, затем посетить мэрию и церковь - и они заживут вместе на улице Сен-Доминик или на улице Варенн.

- Послушайте, Мере... Сходите-ка туда... Будьте с Жакеттой помягче... Не пугайте ее... Скажите, что это - всего лишь формальность...

- Произвести тест?

- Это разрешит мои сомнения...

Когда чуть позже ему сообщили, что звонит месье Кромьер, Мегрэ велел сказать, что его нет и никто не знает, когда он вернется.

Этим утром должны были огласить завещание принца де В. К старому нотариусу Обонне явятся Изабель и ее сын, и в этот же день принцесса вновь окажется в той же комнате, чтобы присутствовать при вскрытии другого завещания.

Двое мужчин ее жизни - в один и тот же день...

Он позвонил на улицу Сен-Доминик. Не без колебаний он вчера опечатал кабинет и спальню. Он предпочел бы подождать еще, иметь возможность лишний раз взглянуть на место преступления.

Лапуэнт, который оставался там на посту, наверное, заснул в кресле.

- Это вы, начальник?

- Есть новости?

- Нет.

- Где Жакетта?

- Сегодня утром, около шести, когда я дежурил в кабинете, я услышал, как она идет по коридору и тащит пылесос. Я бросился к ней и спросил, что она намеревается делать, - а старуха

взглянула на меня совершенно ошарашенная: "Чистить, что же еще!" - "Чистить что?" - "Сначала спальню, потом столовую, потом..."

Мегрэ прорычал:

- И ты позволил ей?

- Нет. Но она так и не поняла почему. "Что же мне тогда делать?" - спросила она.

- И что ты ей ответил?

- Попросил ее приготовить кофе, и она отправилась за круассанами.

- Она не могла задержаться по дороге, чтобы позвонить или отправить письмо?

- Нет. Я поручил агенту, дежурившему у двери, следовать за ней на порядочном расстоянии.

Она в самом деле заходила только в булочную и оставалась там не более минуты.

- Она в ярости?

- Трудно сказать. Ходит туда-сюда, шевелит губами, будто разговаривает сама с собой. Сейчас она на кухне: понятия не имею, что она там делает.

- Кто-нибудь звонил?

Большое окно, выходящее в сад, было открыто, потому что Мегрэ было слышно, как посвистывают дрозды.

- Через несколько минут приедет Мере. Он уже в пути. Ты не устал?

- Признаюсь вам, я поспал немного.

- Чуть позже пришлю тебе смену. - Тут ему в голову пришла новая мысль. - Не вешай трубку. Пойди к Жакетте и попроси ее показать свои перчатки.

Старуха была набожна, и Мегрэ готов был поклясться, что на воскресную службу она ходит в перчатках.

- Жду у телефона.

И он ждал с трубкой в руке. Ждал довольно долго.

- Вы слушаете, начальник?

- Ну что?

- Она показала мне три пары.

- Не удивилась?

- Бросила на меня ядовитый взгляд, перед тем как открыть ящик комода у себя в комнате. Там я заметил молитвенник, двое или трое четок, почтовые открытки, медальоны, носовые платки и перчатки. Две пары белых нитяных.

Мегрэ так и видел ее летом, в белых нитяных перчатках и, без сомнения, с белым бантиком на шляпке.

- А третья пара?

- Из черной кожи, довольно потрепанная.

- Ну, до скорого.

Вопрос Мегрэ был связан с поручением, которое он дал Мерсу. Убийца Сент-Илера мог узнать из газет и журналов, что после выстрела в руки въедается порох.

Если стреляла Жакетта, не пришла ли ей в голову мысль надеть перчатки? А в этом случае - не избавилась ли она от них?

Для очистки совести Мегрэ погрузился в досье, так и лежавшее перед ним. Он нашел опись всего, что содержалось в ящиках и шкафах, предмет за предметом.

"Комната прислуги... Железная кровать... Старый стол красного дерева, покрытый бордовой бархатной скатертью".

Он водил пальцем по машинописным строчкам.

"Одиннадцать носовых платков с инициалом "Ж".

Три пары перчаток".

Эти три пары она и показала Лапуэнту.

Он вышел, оставив шляпу, и направился к двери, соединявшей уголовную полицию с Дворцом правосудия.

Он никогда прежде не бывал у судебного следователя Юрбена де Шезо, который раньше работал в Версале и с которым до сих пор ему не приходилось сотрудничать. Он поднялся на четвертый этаж, где располагались кабинеты самых старых чиновников, и наконец обнаружил на двери визитную карточку следователя.

- Входите, месье Мегрэ. Очень рад вас видеть, я как раз думал не позвонить ли вам.

Ему было лет сорок, и он производил впечатление неглупого человека. На его столе лежало такое же досье, какое получил Мегрэ, и комиссар заметил на некоторых страницах отметки красным карандашом.

- У нас мало вещественных доказательств, не так ли? - вздохнул судебный следователь, приглашая комиссара садиться. - Мне только что звонили с набережной Орсе...

- Молодой месье Кромьер...

- Он сказал, что тщетно пытался связаться с вами, и спросил, откуда утренние газеты почерпнули информацию.

Позади Мегрэ секретарь печатал на машинке. Окна выходили во двор; в кабинет, наверное, никогда не заглядывало солнце.

- У вас есть что-нибудь новое?

Поскольку ему понравился судебный следователь, Мегрэ не стал скрывать от него своего уныния.

- Вы ведь прочли... - вздохнул он, показывая на досье. - Сегодня вечером или завтра утром я представлю вам первый рапорт. Мотивом преступления не являлась кража. Не думаю, чтобы корыстные интересы играли тут какую-то роль: это было бы слишком очевидно. Племянник жертвы - единственный, кто выгадал бы от смерти Сент-Илера. Да и выгадал бы он несколько месяцев, от силы год-два.

- Он испытывает настоятельную потребность в деньгах?

- И да и нет. Трудно вытащить что-либо определенное из этих людей, без того чтобы грубо и недвусмысленно не обвинить их в убийстве. Обвинять его нет никаких оснований. Мазерон живет отдельно от жены и дочерей.

Он человек скрытный, довольно неприятный, и жена изображает его чуть ли не садистом.

При виде его антикварной лавчонки можно предположить, что туда никогда никто не заходит. Правда, он специализируется на военных трофеях, а любители подобного жанра встречаются редко.

Он не раз просил денег у своего дяди. Мы знаем, что тот всегда охотно ссужал ему разные суммы, и не можем доказать обратное.

Он боялся, что, когда Сент-Илер женится, наследство перейдет в другие руки? Возможно. Но я так не думаю. В этих семействах у людей особый склад ума.

Каждый из них считает себя хранителем благ, которые он должен передать, в большей или меньшей сохранности, своей родне, близкой или дальней.

Мегрэ заметил улыбку на лице чиновника и вспомнил, что его самого зовут Юрбен де Шезо - имя с дворянской частицей.

- Продолжайте.

- Я встретился с мадам Мазерон в ее квартире на улице Помп и тщетно размышлял, зачем бы ей было убивать дядю своего мужа. То же можно было сказать и о двух дочерях. К тому же одна из них в Англии.

Другая работает. - Мегрэ набил трубку. - Вы позволите?

- Пожалуйста. Я тоже курю трубку...

В первый раз Мегрэ встречал судебного следователя, который курит трубку. Правда, тот сразу же добавил:

- У себя дома, по вечерам, просматривая бумаги.

- Я отправился к принцессе де В. - Мегрэ взглянул на своего собеседника. - Вам ведь известна ее история?

Мегрэ готов был поклясться, что Юрбен де Шезо вращается в кругах, где могли судачить об Изабель.

- Я об этом слышал.

- Правда ли, что ее связь с графом, если тут можно говорить о связи, известна многим?

- В определенных кругах - да. Друзья называют ее Изи.

- Граф так же называет ее в своих письмах.

- Вы их читали?

- Не все. Не целиком. Их там на несколько томов.

Мне показалось - правда, это лишь мимолетное впечатление, - что принцесса не так потрясена смертью Сент-Илера, как того можно было ожидать.

- По моему мнению, ничто и никогда не могло сокрушить ее безмятежность. Мне доводилось встречаться с ней. Я слышал о ней от моих друзей. Можно сказать, что она так и не повзрослела: время остановилось для нее. Одни полагают, что она застыла на своих двадцати годах, другие - что она не изменилась с тех пор, как вышла из монастыря.

- Газеты опубликуют ее историю. Уже появились намеки.

- Я видел. Это неизбежно.

- За время нашей встречи она не сказала мне ничего, что могло бы навести на след. Этим утром она пошла к нотариусу, вступить во владение наследством мужа. Она вернется туда после полудня, чтобы заслушать завещание Сент-Илера.

- Она в числе наследников?

- Ей завещана мебель и личные вещи.

- Вы видели ее сына?

- Филиппа? Да - его, жену и детей. Они все собрались на улице Варенн. Но сын один остался в Париже.

- Что вы о нем думаете?

И Мегрэ был вынужден ответить:

- Не знаю.

Строго говоря, у Филиппа тоже была причина устранить Сент-Илера. Он становился наследником прославленного в истории имени В., старшим в семье, породненной со всеми царствующими домами Европы.

Его отец смирился с платонической любовью Изабель к скромному, хорошо воспитанному дипломату, которого она видела лишь издали и которому писала ребяческие письма.

Со смертью отца положение должно было измениться. Несмотря на свои семьдесят два года и семьдесят семь лет своего возлюбленного, принцесса собиралась выйти замуж за Сент-Илера, оставить титул, сменить имя.

Но достаточно ли такого мотива, чтобы совершить преступление, и - Мегрэ то и дело возвращался к этому - рисковать головой? Короче говоря, превратить довольно невинный скандал в скандал куда более серьезный?

Комиссар пробормотал в смущении:

- Я проверил все, что он делал во вторник вечером.

Сначала он, по обыкновению, остановился с семьей в гостинице на площади Вандом. Когда дети легли, он вышел в одиночестве прогуляться по Елисейским полям. На углу улицы Берри наткнулся на пять или шесть девиц, выбрал одну и отправился к ней.

Мегрэ часто видел, как убийцы после преступления мечутся в поисках женщины, не важно какой, словно ища забвения.

Но он не мог припомнить, чтобы кто-то занимался любовью перед убийством. Может, он хотел обеспечить себе алиби?

Во всяком случае, алиби не полное: Филипп ушел от девицы в половине двенадцатого и вполне мог успеть на улицу Сен-Доминик.

- Вот все, что у меня есть. Хотя надежды на это мало, буду продолжать искать другой след: может быть, объявится близкий знакомый старого посла, о котором мы пока ничего не знаем. Сент-Илер, как большинство стариков, имел устоявшиеся привычки. Почти все его друзья умерли...

Пронзительно зазвонил телефон. Секретарь взял трубку:

- Да... Он здесь... Хотите, чтобы я передал трубку? - И, повернувшись к комиссару:

- Это вас... Кажется, срочно...

- Вы позволите?

- Сделайте одолжение.

- Алло! Да, Мегрэ... Кто у телефона?

Он не узнал голоса, потому что Мере, наконец назвавший себя, охрип от волнения.

- Я звонил в ваш кабинет... Мне сказали, что...

- К делу.

- Сейчас. Это невероятно! Я только что закончил тест...

- Знаю. И что?

- Результат положительный.

- Ты уверен?

- Абсолютно. Не остается сомнений в том, что Жакетта Ларрье произвела один или несколько выстрелов в последние сорок восемь часов.

- Она не сопротивлялась?

- Нет, трудностей не возникло.

- И как она объясняет это?

- Никак. Я ей еще ничего не сказал. Мне нужно было вернуться в лабораторию, чтобы закончить тест.

- С ней Лапуэнт?

- Да, он там был, когда я уходил.

- Ты уверен в своих выводах?

- Уверен.

- Ну, спасибо.

Хмурый, серьезный, он положил трубку под вопросительным взглядом судебного следователя.

- Я ошибся, - с сожалением прошептал Мегрэ.

- Что вы хотите сказать?

- На всякий случай, не надеясь ни на что, я поручил эксперту снять парафиновый тест с правой руки Жакетты.

- Результат положительный? Я так и понял, но верится с трудом.

- Мне тоже.

Казалось бы, тяжкая ноша должна была свалиться с плеч. Едва минули сутки расследования, как задача, секунду назад представлявшаяся неразрешимой, была решена.

А он не испытывал ни малейшего удовлетворения.

- Раз уж я здесь, подпишите ордер на арест, - вздохнул Мегрэ.

- Вы отправите туда своих людей?

- Я пойду сам.

Вобрав голову в плечи, Мегрэ принялся разжигать потухшую трубку, а судебный следователь стал заполнять казенный бланк.

Глава 7

Мегрэ зашел в свой кабинет, чтобы взять шляпу. Когда он выходил оттуда, его внезапно охватила тревога - и, кляня себя за недомыслие, он бросился к телефону.

Чтобы выиграть время, он набрал городской номер, не пользуясь коммутатором. Ему не терпелось услышать голос Лапуэнта, убедиться, что ничего не случилось. Но вместо этого он услышал короткие, прерывистые гудки: линия была занята.

Он не стал раздумывать и на несколько секунд утратил самообладание.

Кому мог звонить Лапуэнт? Мере уже давно ушел оттуда. Лапуэнт знал, что тот немедленно свяжется с комиссаром и предоставит рапорт.

Если инспектор, оставшийся в квартире Сент-Илера куда-то звонит, значит, случилось нечто непредвиденное, и он вызывает полицию, а может быть, и врача.

Мегрэ попробовал еще раз, потом открыл дверь соседнего кабинета. Жанвье как раз прикуривал.

- Спускайся во двор и жди меня в машине.

Он сделал последнюю попытку, но услышал те же короткие гудки.

Чуть позже он бегом спустился по лестнице, ринулся в маленький черный автомобиль и захлопнул за собой дверцу.

- На улицу Сен-Доминик. Полная скорость. Включи сирену.

Жанвье, который был не в курсе последних событий, бросил на него изумленный взгляд: комиссар редко пользовался сиреной - она приводила его в ужас.

Автомобиль устремился к мосту Сен-Мишель, свернул по набережной направо; все прочие машины расступались, давая дорогу, а прохожие останавливались и глядели вслед.

Действия Мегрэ, может быть, и казались нелепыми, но он не мог не видеть перед глазами картину:

Жакетта мертва, а Лапуэнт рядом с ней беспрерывно звонит по телефону. Картина эта становилась такой реальной в его воображении, что он даже принялся размышлять, каким способом старуха покончила с собой. В окно выброситься она не могла: квартира на первом этаже. И у нее нет никакого оружия, разве что кухонные ножи...

Автомобиль резко затормозил. Сержант городской полиции, дежуривший у задней двери, переполошился, заслышав сирену. Окно спальни было приоткрыто.

Мегрэ бросился в подворотню, взбежал по каменным ступенькам, нажал на кнопку электрического звонка и оказался лицом к лицу с Лапуэнтом. Тот не был взволнован - скорее до крайности изумлен.

- Что стряслось, начальник?

- Где она?

- У себя в комнате.

- Ты слышал, как она там ходит?

- Слышал, с секунду назад.

- Кому ты звонил?

- Вам.

- Зачем?

- Похоже, она одевается, чтобы выйти на улицу, и я хотел спросить, какие будут распоряжения.

Мегрэ понимал, что выглядит смешным в глазах молодого Лапуэнта и только что подошедшего Жанвьё. По контрасту с переполохом, который он только что учинил, в квартире было тихо, как никогда: кабинет залит солнечным светом, дверь открыта в сад, на липе щебечут птицы.

Мегрэ вошел в кухню, где все стояло на своих местах, и услышал негромкие звуки, доносившиеся из комнаты старой экономки.

- Могу я повидаться с вами, мадемуазель Ларрье?

Однажды Мегрэ назвал ее "мадам", но она возмутилась: "Мадемуазель, если вам угодно!"

- Кто это?

- Комиссар Мегрэ.

- Сейчас выхожу.

Лапуэнт продолжал вполголоса:

- Она вымылась в хозяйской ванной.

Мегрэ редко бывал так недоволен собой и все вспоминал свой сон, стариков, которые смотрели на него снисходительно и покачивали головами, потому что он носил короткие штанишки и в их глазах был всего лишь мальчуганом.

Дверь маленькой комнатки отворилась; пахло духами, давно вышедшими из моды, - Мегрэ узнал их, потому что его мать пользовалась такими по воскресеньям, когда ходила к мессе.

И старая Жакетта оделась так, будто шла к воскресной службе. На ней были черное шелковое платье, черная кружевная косынка вокруг шеи, черная шляпка, украшенная белым шелковым бантиком, и белоснежные перчатки. Не хватало только молитвенника.

- Я должен, - пробормотал Мегрэ, - отвезти вас на набережную Орфевр.

Он уже собирался предъявить ордер на арест, подписанный судебным следователем, но, вопреки ожиданиям, старуха не выказала ни удивления, ни возмущения. Без единого слова она прошла по кухне, проверяя, выключен ли газ; зашла в кабинет, чтобы закрыть дверь и захлопнуть ставни.

Она задала только один вопрос:

- Кто-нибудь останется здесь? - И поскольку ответили ей не сразу, добавила:

- Если нет, нужно закрыть окно и в спальне тоже.

Поняв, что ее разоблачили, старуха вовсе не пыталась покончить с собой: наоборот, она никогда еще не вела себя с таким достоинством, с таким самообладанием. Она вышла впереди всех. Мегрэ сказал Лапуэнту:

- Тебе лучше остаться.

Старуха прошла вперед, слегка кивнув консьержу, который глазел на нее через стеклянную дверь.

Смехотворно и отвратительно надевать наручники на семидесятичетырехлетнюю старуху. Мегрэ пропустил ее перед собой в машину и уселся рядом.

- Сирену больше включать не надо.

Погода все еще стояла прекрасная: они обогнали большой красно-белый автобус, полный туристов. Мегрэ не знал, о чем говорить, какие вопросы задавать.

Сотни раз он возвращался на набережную Орфевр, везя с собой подозреваемого, мужчину или женщину, которых должен был припереть к стенке. Задача бывала более или менее трудной, более или менее мучительной, в зависимости от расследования. Допрос мог продолжаться часами, а иногда заканчивался лишь на рассвете, когда трудовой люд Парижа начинал свой день.

Эта стадия расследования никогда не нравилась Мегрэ.

И в первый раз за всю его практику ему предстояло допрашивать старую женщину.

Во дворе уголовной полиции он помог ей выйти из машины, но старуха оттолкнула его руку и с достоинством начала подниматься по ступенькам, словно ступая на церковную паперть. Мегрэ сделал знак Жанвье, чтобы тот шел следом. Все трое поднялись по главной лестнице и вошли в кабинет комиссара, где легкий ветерок раздувал занавески.

- Садитесь, пожалуйста.

Он указал старухе на кресло, но та выбрала стул, а Жанвье, который хорошо знал заведенный порядок, устроился на уголке письменного стола и взял блокнот и карандаш.

Мегрэ кашлянул, набил трубку, прошел к окну, потом вернулся и встал перед старухой, которая не сводила с него своих маленьких живых глаз.

- Прежде всего я должен объявить вам, что судебный следователь подписал ордер на ваш арест.

Он показал ордер. Старуха из вежливости взглянула на документ.

- Вы обвиняетесь в умышленном убийстве вашего хозяина, графа Армана де Сент-Илера, произошедшем в ночь со вторника на среду. Сотрудник нашей технической лаборатории только что снял с вашей правой руки парафиновый тест. Этот тест позволяет обнаружить частицы пороха и других химических веществ, введшихся в кожу человека, который пользовался огнестрельным оружием, в особенности автоматическим пистолетом.

Мегрэ взглянул на нее, ожидая отклика, но казалось, будто это она, спокойная, на диво владеющая собой, изучает комиссара.

- Вы ничего не скажете?

- Мне нечего сказать.

- Результат теста оказался положительным, что устанавливает, без какой-либо возможной ошибки, что вы недавно пользовались огнестрельным оружием.

Она была так невозмутима, словно сидела в церкви и слушала проповедь.

- Куда вы дели оружие? Я предполагаю, что в среду утром, направляясь на набережную Орсе, вы выбросили пистолет в Сену вместе с гильзами. Предупреждаю вас: мы сделаем все необходимое, чтобы обнаружить пистолет, - водолазы обшарят дно.

Она решила молчать - и молчала. Что же до взгляда, то в нем читалась такая безмятежность, будто речь вовсе не шла о ней, будто она оказалась здесь случайно и выслушивала слова, которые ее ничуть не касались.

- Не знаю, каким мотивом вы руководствовались, хотя у меня есть кое-какие подозрения. Вы около пятидесяти лет прожили с графом де Сент-Илером. Вас связывали самые близкие отношения.

Легкая улыбка чуть тронула губы Жакетты, в улыбке этой читалось и кокетство, и глубокое чувство.

- Вы знали, что после смерти принца ваш хозяин собирался осуществить мечту своей юности. - Мегрэ осточертело говорить в пустоту: временами он едва сдерживался, чтобы не встряхнуть старуху за плечи.

Если бы он не погиб, он бы женился - ведь так? Сохранили бы вы свое место в его доме? И в любом случае - было бы оно таким же, как прежде?

Держа карандаш на весу, Жанвье тщетно дожидался ответа.

- Во вторник вечером вы проникли в кабинет хозяина. Он читал гранки своей книги. Может быть, вы о чем-то поспорили?

Через десять минут такого диалога Мегрэ потерял терпение и вышел в кабинет инспекторов. Тут он вспомнил, что Лапуэнт со вчерашнего вечера дежурит на улице Сен-Доминик.

- Ты занят, Люка?

- Ничего срочного.

Тогда пойдешь смени Лапуэнта. - И поскольку полдень уже миновал, Мегрэ добавил:

- Заскочи в пивную "У дофины", пусть пришлют сюда поднос сандвичей, пиво и кофе. - И, подумав о старухе, заключил:

- И бутылку минеральной воды.

Вернувшись в свой кабинет, он увидел, что Жакетта и Жанвье сидят на своих местах, неподвижные, как на картине.

Следующие полчаса он мерил шагами комнату, курил короткими затяжками, то подходил к окну, то останавливался в двух шагах от старой экономки, чтобы взглянуть ей в лицо.

Это нельзя было назвать допросом, ибо она упорно молчала, - скорее длинный, довольно сбивчивый монолог.

- Должен сразу сказать вам: возможно, эксперты признают временное помрачение рассудка. Ваш адвокат будет настаивать на состоянии аффекта, назовет это преступлением по страсти...

Смех смехом, а ведь это правда.

- Ваше молчание ничего вам не даст, но если вы признаете свою вину, то сможете растрогать присяжных. Почему бы не начать прямо сейчас?

Есть такая детская игра: не открывать рта, что бы ни говорил и ни делал партнер, а особенно - не смеяться.

Жакетта не открывала рта и не смеялась. Мегрэ беспрерывно сновал по комнате, а она по-прежнему следила за ним глазами, ни разу не вздрогнув и не возмущившись, словно его слова не имели к ней ни малейшего отношения.

- Граф был единственным мужчиной в вашей жизни.

Все без толку. Он пытался нащупать хоть какую-то слабинку - но тщетно. Постучали в дверь. Рассыльный из пивной "У дофины" поставил поднос на письменный стол комиссара.

- Подкрепитесь немного, это вам не повредит. Судя по тому, как идут дела, мы еще не скоро кончим.

Он протянул старухе sandwich с ветчиной. Рассыльный ушел. Она приподняла верхний ломоть хлеба и - о чудо! - наконец открыла рот.

- Вот уже больше пятнадцати лет, как я не ем мяса.

Старикам оно не нужно.

- Может быть, тогда с сыром?

- Все равно: я не голодна.

Мегрэ вновь зашел к инспекторам:

- Пусть кто-нибудь позвонит в пивную и попросит принести бутерброды с сыром.

Сам он ел словно назло всему на свете, трубка в одной руке, sandwich - в другой, и время от времени прерывался, чтобы отхлебнуть пива. Жанвье отложил бесполезный карандаш и тоже принялся за еду.

- Может быть, вы хотите поговорить со мной наедине?

Она лишь пожала плечами.

- С настоящего момента вы имеете право на присутствие адвоката по вашему выбору. Я готов немедленно пригласить любого, кого вы мне укажете. У вас есть знакомый адвокат?

- Нет.

- Хотите, я дам вам список?

- Это ни к чему.

- Вы предпочитаете адвоката по назначению?

- Зачем он мне нужен?

Все же они продвинулись вперед: старуха разомкнула губы.

- Вы признаетесь в убийстве вашего хозяина?

- Мне нечего сказать.

- Иными словами, вы поклялись молчать, что бы ни случилось?

Снова выматывающее молчание. Табачный дым клубился в кабинете, озаренном косыми лучами солнца.

Пахло ветчиной, пивом и кофе.

- Хотите чашечку кофе?

- Я пью кофе только по утрам, и то с молоком.

- Чего вам принести попить?

- Ничего.

- Вы собираетесь объявить голодовку?

Зря он это сказал: старуха едва сдержала улыбку, - возможно, мысль пришла ей по вкусу.

В этом же самом кабинете, в таких же обстоятельствах Мегрэ повидал на своем веку самых разных подозреваемых, и несгибаемых, и слабых: одни плакали, другие все больше и больше бледнели, третьи вели себя вызывающе и насмехались над ним.

Но впервые он видел, чтобы кто-нибудь, сидя на этом стуле, проявлял такое безразличие и спокойное упрямство.

- Вы так и не хотите ничего сказать?

- Пока не хочу.

- Когда же вы собираетесь заговорить?

- Пока не знаю.

- Вы чего-то ждете?

Молчание.

- Вы хотите, чтобы я пригласил принцессу де В.?

Она покачала головой.

- Может быть, вы хотите кому-нибудь отправить весточку, желаете кого-нибудь видеть?

Принесли сэндвичи с сыром, но старуха равнодушно взглянула на них. Она все качала головой и повторяла:

- Не сейчас.

- Значит, вы твердо решили не говорить, не пить и не есть.

Она выбрала неудобный стул: кто бы ни сел на него, через какое-то время начинал ерзать. Она же и по прошествии часа сидела все так же прямо, не шелохнувшись.

- Послушайте, Жакетта...

Она нахмурилась, шокированная подобной фамильярностью, и комиссару стало неловко.

- Предупреждаю вас: мы будем сидеть в этой комнате столько, сколько потребуется. У нас есть неопровержимое доказательство того, что вы произвели один или несколько выстрелов. Я просто прошу вас сказать мне, почему вы это сделали и при каких обстоятельствах. Вашим идиотским молчанием... - Слово вырвалось помимо воли, и комиссар поправился:

- Вашим молчанием вы рискуете навести полицию на ложный след, бросить тень подозрения на других людей. Если через полчаса вы не ответите на мои вопросы, я вызову сюда принцессу и устрою очную ставку. Я призову также ее сына, Алена Мазерона, его жену, и тогда посмотрим, сможете ли вы при таком стечении народа... - Тут он вскрикнул, вне себя от ярости:

- Что там еще?

В дверь стучали. Старый Жозеф увлек комиссара в коридор и прошептал, потупясь:

- Какой-то молодой человек настаивает...

- Какой такой молодой человек?

Жозеф протянул ему визитную карточку, где значилось имя Жюльена де В., внука Изабель.

- Где он?

- В приемной. Говорит, что спешит: опаздывает на очень важную лекцию.

- Пусть еще минутку подождет.

Мегрэ вернулся в кабинет.

- Внук Изабель, Жюльен, хочет увидаться со мной.

Вероятно, у него есть что мне сказать. Вы так и продолжаете хранить молчание?

Сцена, без сомнения, раздражала, но вместе с тем и хватала за душу. Теперь Мегрэ вроде бы почувствовал, что старуха борется с собой; похоже, он все же нащупал слабинку. Даже Жанвье, который довольствовался ролью зрителя, стало немного не по себе.

- Наступит момент, когда вам придется заговорить.

В таком случае, почему бы...

- Я имею право повидать священника?

- Вы хотите исповедаться?

- Я только прошу у вас разрешения переговорить со священником, с аббатом Барро.

- Где я могу найти аббата Барро?

- В приходе Святой Клотильды.

- Это ваш исповедник?

Не желая упустить ни малейшего шанса, Мегрэ потянулся к телефону:

- Соедините меня с домом священника в приходе Святой Клотильды. Да... Я жду... Аббат Барро... Какая разница, как пишется...

Мегрэ раскладывал на столе свои трубки, выстраивал их в цепочку, словно оловянных солдатиков.

- Алло!.. Аббат Барро?.. Это уголовная полиция...

Мегрэ, дивизионный комиссар... В моем кабинете находится одна из ваших прихожанок, она хочет с вами переговорить... Да... Речь идет о мадемуазель Ларрье...

Вы можете сейчас взять такси и приехать на набережную Орфевр?.. Благодарю вас... Да... Она ждет вас... - Потом он сказал Жанвье:

- Когда придет священник, введи его сюда и оставь их наедине... А мне пока нужно кое-кого повидать...

И он направился к приемной, где дождался один только молодой человек, одетый в черное, тот самый, которого он видел накануне на улице Варенн вместе с его родителями, братьями и сестрами. Увидев Мегрэ, он встал и последовал за комиссаром в маленький кабинет, оказавшийся свободным.

- Присаживайтесь.

- У меня мало времени. Я должен вернуться на улицу Ульм: через полчаса начинается лекция.

В крошечном кабинетике он казался еще выше и крупнее. Его лицо было серьезным, немного грустным.

- Уже вчера, когда вы приходили к моей бабке, я хотел с вами поговорить, но не улучил момента.

Мегрэ почему-то подумал, что ему хотелось бы иметь такого же сына, как этот парнишка. Он обладал природной непринужденностью и в то же время врожденной скромностью, и если он был немного застенчив, то всякий видел, что это происходит от душевной деликатности.

- Не знаю, поможет ли вам то, что я сейчас скажу.

Ночью я много думал об этом. Дело в том, что во вторник, после полудня, я ходил проведать дядю.

- Дядю?

На щеках юноши появился легкий румянец, но тут же исчез. Он застенчиво улыбнулся:

- Так я называл графа де Сент-Илера.

- Вы часто ходили к нему?

- Да. Я никогда не говорил родителям, хотя и не скрывался. С самого детства я много слышал о нем.

- От кого?

- От нянек, потом от одноклассников. Роман моей бабки сделался почти легендой.

- Знаю.

- Где-то лет в десять-одиннадцать я спросил ее саму, и мы частенько после этого говорили о Сент-Илере. Она читала мне некоторые письма, те, например, где он рассказывал о дипломатических приемах, о переговорах с главами государств. Вы читали его письма?

- Нет.

- Он писал, очень хорошо, живо - примерно как кардинал де Рец. Может быть, именно благодаря графу и его письмам я избрал карьеру дипломата.

- Когда же вы лично познакомились с ним?

- Два года назад. В Станисла у меня был товарищ, чей дед тоже принадлежал к дипломатическому корпусу. И вот однажды в его доме я встретил графа де Сент-Илера и попросил, чтобы меня представили.

Чувствовалось, что он был очень взволнован, разглядывал меня с головы до пят; я был растроган тоже. Он стал расспрашивать меня об учебе, о планах на будущее.

- Вы навещали его на улице Сен-Доминик?

- Он пригласил меня, хотя и добавил: "Только если ваши родители не сочтут это неподобающим".

- Вы часто виделись?

- Не очень. В среднем где-то раз в месяц. Это зависело от обстоятельств. Например, я советовался с ним, получив степень бакалавра, и он одобрил мое намерение поступить в школу. Он тоже полагал, что если это и не поможет мне в моей карьере, то во всяком случае даст крепкие знания.

Однажды у меня вырвалось: "Такое впечатление, что я поверяю свои мысли дядюшке". - "А я и считаю вас племянником, - рассмеявшись, ответил он. - Почему бы вам не называть меня так?.." Это поможет вам понять наши отношения.

- Вы не любили вашего деда?

- Я его мало знал. Хотя он и граф де Сент-Илер и принадлежали к одному поколению, это были такие разные люди. Дед всегда казался мне внушительным, недоступным...

- А ваша бабушка?

- Мы были друзьями. И до сих пор остаемся.

- Она знала, что вы ходите на улицу Сен-Доминик?

- Да. Я пересказывал ей наши беседы. Она выпытывала подробности, а иногда напоминала мне, что я давно не навещал нашего друга.

Мегрэ очень нравился молодой человек, и все же он изучал его пристально, почти с недоверием. На набережной Орфевр нечасто встретишь подобных юнцов, и у комиссара вновь появилось ощущение чего-то нереального: эти люди не явились из жизни, а словно сошли со страниц назидательного романа.

- Итак, во вторник после полудня вы отправились на улицу Сен-Доминик.

- Да.

- У вас была особая причина пойти туда?

- Более или менее. Два дня тому назад умер мой дед. Я подумал, что бабушке захочется узнать, как к этому отнесся ее друг.

- А вам самому не было любопытно?

- Наверное, да. Я знал, что они поклялись пожениться, если когда-нибудь представится такая возможность.

- Эта перспектива радовала вас?

- Пожалуй, да.

- А ваших родителей?

- Я никогда не говорил об этом с отцом, но имел основания верить, что замужество бабки не вызовет у него неудовольствия. Вот мама, возможно...

Он не закончил фразу, и Мегрэ подстегнул его:

- Значит, ваша мать...

- Я не хотел бы говорить о ней плохо, но должен сознаться, что титулы и внешний блеск значат для нее больше, чем для остальных членов семьи.

Разумеется, ведь она родилась не принцессой, а всего лишь Ирен де Маршанжи.

- И что произошло во время вашей встречи на улице Сен-Доминик?

- Ничего особенного. И все же я подумал, что лучше поговорить с вами. С самого начала мне показалось, будто граф де Сент-Илер чем-то озабочен - и я внезапно понял, что он уже глубокий старик. До этого он всегда выглядел моложе своих лет. Чувствовалось, что он любит жизнь, знает все ее радости и ежеминутно наслаждается ею. Я всегда считал его человеком позапрошлого столетия, который как-то заблудился во времени. Вы понимаете, о чем я?

Мегрэ кивнул.

- Я не ожидал, что его так поразит смерть моего деда, который был на два года старше его, тем более что причиной смерти послужил несчастный случай, и дед скончался без мучений. Но в этот вторник Сент-Илер был сам не свой и избегал смотреть на меня, будто что-то скрывал.

Я произнес какую-то фразу типа: "Через год вы женитесь наконец на моей бабушке..." Он отвернулся, но я был настойчив: "Разве это не волнует вас?" Вот бы припомнить в точности, что он сказал. Странно, что я не помню этих слов, хотя их смысл и то, что вставало за ними, так поразило меня. В общем, он ответил так:

"Этого не допустят".

И когда я взглянул ему в лицо, мне показалось, будто он чего-то боится.

Видите, все очень туманно. Тогда я не придавал разговору особого значения, подумал, что это - естественная реакция старика, узнавшего о смерти своего ровесника и подумавшего, что и его черед не за горами.

Но когда я узнал, что его убили, эта сцена всплыла в моей памяти.

- Вы кому-нибудь говорили об этом?

- Нет.

- Даже бабушке?

- Не хотелось ее расстраивать. Теперь, задним числом, я уверен, что графу угрожали. Такой человек не мог предаваться пустым фантазиям. Несмотря на годы, он сохранил необыкновенную ясность рассудка, а его философия исключала любые необоснованные страхи.

- Если я правильно вас понял, вы думаете, что граф предвидел, как будут развиваться события.

- Да, да, он предвидел какое-то несчастье. Я решил сообщить вам об этом, потому что со вчерашнего дня наш разговор не дает мне покоя.

- Он говорил с вами о своих друзьях?

- Об умерших друзьях. Живых уже почти не осталось, но это не слишком огорчало его.

"В конце концов, - говаривал он, - не так уж скверно оказаться тем, кто уходит последним. - И добавлял с грустью:

- Ведь остается память, в которой все остальные продолжают жить".

- Он называл каких-нибудь врагов?

- Я уверен, что врагов у него никогда не было. Может быть, завистники в начале его карьеры, которая была стремительной и блестящей. Да и те уже давно на кладбище.

- Благодарю вас. Вы правильно сделали, что пришли.

- Вы узнали что-нибудь новое?

Мегрэ поколебался немного, но не стал ничего говорить о Жакетте, которая в этот момент беседовала в его кабинете с аббатом Барро.

В уголовной полиции кабинет комиссара частенько называли в шутку "исповедальней" - и вот теперь там впервые проходила настоящая исповедь.

- Нет, ничего определенного.

- Мне нужно вернуться на улицу Ульм.

Мегрэ проводил его до лестницы.

- Еще раз спасибо.

Он походил немного по широкому коридору, заложив руки за спину, попыхивая трубкой, и в конце концов зашел в кабинет инспекторов. Жанвье сидел там и, похоже, чего-то ждал.

- Аббат прибыл?

- Уже давно.

- И каков он из себя?

Жанвье ответил с довольно горькой иронией:

- Самый старый из всех!

Глава 8

- Позвони Люка.

- На улицу Сен-Доминик?

- Да. Я послал его сменить Лапуэнта.

Мегрэ начинал терять терпение. В соседнем кабинете продолжалась тихая беседа: даже если подойти к самой двери, можно было расслышать лишь невнятное бормотание, как возле настоящей исповедальни.

- Люка?.. У тебя все спокойно?.. Только журналисты звонят?.. По-прежнему отвечай им, что ничего нового нет... Что?.. Нет! Она не заговорила... Да, она у меня в кабинете, но не со мной и не с другим полицейским... со священником.

Через минуту позвонил судебный следователь, и Мегрэ повторил ему почти то же самое:

- Я не оказываю давление, будьте спокойны. Наоборот...

Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь в своей жизни обращался с кем-то так бережно, с таким терпением. Английская статья, которую прочел ему Пардон, то и дело приходила на ум и вызывала ироническую улыбку.

Автор статьи в "Ланцете" ошибся. В конечном итоге не учитель, не романист, даже не полицейский оказался в состоянии решить проблему Жакетты, а восьмидесятилетний аббат.

- Давно они там?

- Двадцать пять минут.

Он даже не мог утешить себя кружкой пива, потому что поднос остался в кабинете. К тому же и пиво, наверное, уже теплое. Оно и без того отнюдь не было ледяным. Возникло искушение спуститься в пивную "У дофины", но он так и не решился отойти.

Он чувствовал, что решение загадки - под рукой, тщился найти его, чисто по-человечески, а не как комиссар уголовной полиции, которому поручено обнаружить преступника.

Потому что это расследование лично затронуло его, всколыхнуло давние детские воспоминания.

Может быть, это навредило делу? Если Сент-Илер десятки лет был послан, если его платоническая любовь к Изабель длилась около пятидесяти лет, то он, Мегрэ, двадцать пять лет

проработал в уголовной полиции и лишь накануне был уверен, что любые образчики человеческой породы прошли перед ним.

Он не мнил себя сверхчеловеком, не считал себя непогрешимым. Наоборот: всякое расследование, даже самое простое, он начинал с каким-то смирением.

Он не доверял видимости, не делал поспешных выводов. Он терпеливо старался понять, зная, что самые очевидные мотивы, как правило, не относятся к сути дела.

Если он и невысоко ставил людей и их возможности, то все же продолжал верить в человека.

Он искал в людях слабые места. А когда находил их и надавливал пальцем, не праздновал победу, а ощущал какую-то тоску.

Но с недавнего времени Мегрэ потерял почву под ногами, ибо без всякой подготовки столкнулся лицом к лицу с людьми, о существовании которых и не подозревал. Их манеры, слова и поступки были ему чужды, и он тщетно пытался как-то классифицировать их.

Он хотел бы полюбить этих людей, даже Жакетту, которая вымотала из него всю душу.

Он открывал в их жизни изящество, гармонию, искренность, которые пленяли его.

Но время от времени он холодно повторял про себя:

"И все же Сент-Илер был убит!"

Кем-то из них - это было почти очевидно. А именно Жакеттой, если в научных методах остался хоть какой-нибудь смысл.

И он начинал ненавидеть их всех, включая покойного, включая юношу, при встрече с которым он сильнее, чем когда бы то ни было, ощутил тоску по отцовству.

Ну почему эти люди не такие, как все? Почему он должен верить, будто им неведома корысть и низкие страсти?

Невинная история слишком возвышенной любви вдруг стала раздражать его. Он перестал в нее верить и принялся искать другое объяснение, более доступное его опыту.

Разве две женщины, столько лет любившие одного мужчину, не должны возненавидеть друг друга?

Разве семейство, породненное с большинством царствующих домов Европы, не воспримет как угрозу своему престижу смехотворный брак двух стариков?

Но никто из них не таил злобы на ближнего. Никто не имел врагов. Все жили в мире и согласии, кроме Алена Мазерона и его жены, которые все же разошлись.

Взбешенный нескончаемым бормотанием, Мегрэ чуть было не распахнул рывком дверь, но его остановил укоризненный взгляд Жанвье.

Этот тоже подпал под обаяние!

- Надеюсь, ты поставил охрану в коридоре?

Мегрэ дошел до того, что заподозрил, будто престарелый священник сбежит вместе со своей кающейся прихожанкой.

И все же он чувствовал, что истина где-то близко, - но нужная мысль ускользала. Все было очень просто, и он это знал. Если подумать, то все человеческие драмы очень просты.

Уже вчера, уже этим утром у него возникали неясные догадки.

Кто-то деликатно постучал в дверь кабинета, и комиссар подскочил на месте.

- Проводить вас? - осведомился Жанвье.

- Если не трудно.

В дверях стоял аббат Барро, в самом деле очень старый, весь высохший, как скелет, с растрепанными, очень длинными волосами, похожими на нимб. Его заношенная сутана лоснилась, на ней пестрели грубые заплаты.

Жакетта по-прежнему очень прямо сидела на своем стуле. Изменилось только выражение ее лица. Напряжение исчезло, борьба была окончена. Она больше не бросала вызов, не собиралась упрямо хранить молчание.

Улыбки не было, но все ее лицо светилось безмятежностью.

- Простите, господин комиссар, что я заставил вас так долго ждать. Видите ли, проблема, которую мадемуазель Ларрье предложила моему вниманию, весьма деликатного свойства, и я должен был тщательно рассмотреть ее, прежде чем дать ответ. Признаюсь, я чуть было не попросил разрешения позвонить епископу, чтобы спросить у него совета.

Жанвье, пристроившись на краю стола, торопливо записывал. Мегрэ, чтобы соблюсти приличия, занял свое место.

- Садитесь, господин аббат.

- Вы позволите мне остаться?

- Полагаю, ваша прихожанка все еще нуждается в добрых советах?

Священник уселся, вытащил из-под сутаны самшитовую табакерку и взял понюшку. Этот жест и крошки табака на выцветшей сутане опять вызвали в памяти у Мегрэ что-то давно забытое.

- Мадемуазель Ларрье, как вы знаете, очень набожна и именно из благочестия совершила поступок, который я счел своим долгом ей простить. Она боялась, что граф де Сент-Илер не удостоится христианского погребения, и поэтому решила молчать до похорон.

Словно блеснул под солнцем взмывший к небу воздушный шарик - Мегрэ внезапно все понял, и ему стало стыдно, что он не догадался раньше, хотя решение и лежало на поверхности.

- Граф де Сент-Илер покончил с собой?

- К несчастью, это правда. Но, как я уже говорил мадемуазель Ларрье, мы не можем поручиться, что он не раскаялся в последний момент. В глазах Церкви мгновенной смерти не существует. Мы признаем бесконечность времени, как и бесконечность пространства, и ничтожно малый промежуток времени, ускользающий от внимания врачей, может оказаться достаточным для покаяния. Не думаю, чтобы Церковь отказала графу де Сент-Илеру в последнем благословении.

Тут глаза Жакетты впервые наполнились слезами, и она вынула из сумочки платок, чтобы утереть их. Лицо ее жалобно сморщилось, словно у обиженной девочки.

- Говорите, Жакетта, - подбодрил ее священник. - Повторите то, что вы сказали мне.

Она всхлипнула:

- Я легла и уснула. Потом услышала выстрел и бросилась в кабинет.

- И обнаружили вашего хозяина лежащим на ковре с развороченным лицом.

- Да.

- Где был пистолет?

- На письменном столе.

- И что вы сделали?

- Пошла к себе в комнату и взяла зеркало: нужно было убедиться, что он больше не дышит.

- Вы уверились, что он мертв. Потом?

- Прежде всего я подумала, что нужно позвонить принцессе.

- Почему же вы этого не сделали?

- Было уже около полуночи.

- Кроме того, вы боялись, что она не одобрит ваш план?

- Мне это не сразу пришло в голову. Я подумала: вот придет полиция - и вдруг сообразила, что графа, как самоубийцу, станут хоронить по гражданскому обряду.

- Сколько времени прошло с тех пор, как вы убедились, что ваш хозяин мертв, до того момента, как вы произвели выстрелы?

- Сама не знаю. Может быть, минут десять? Я встала подле него на колени и начала молиться. Потом поднялась, взяла пистолет и выстрелила не глядя, прося прощения у покойного и у Неба.

- Вы выстрелили три раза?

- Сама не знаю. Я давила на гашетку, пока не кончились патроны. Тогда я заметила блестящие штучки на полу. Я таких раньше не видела. Я поняла, что это гильзы, и собрала их. Этой ночью я не сомкнула глаз.

А ранним утром пошла и выбросила пистолет и гильзы в Сену, с моста Согласия.

- Вам известно, почему ваш хозяин покончил с собой?

Жакетта взглянула на священника, и тот жестом ободрил ее.

- Он уже давно был обеспокоен, удручен.

- По какой причине?

- Несколько месяцев назад доктор порекомендовал ему отказаться от спиртного, даже от вина. А он так любил вино. Несколько дней он отказывал себе, а потом начал понемножку пить. От этого у него болел желудок, и он даже вставал по ночам принимать бикарбонат. В конце концов, мне приходилось каждую неделю покупать новую упаковку.

- Как зовут его врача?

- Доктор Урго.

Мегрэ снял трубку:

- Соедините меня, пожалуйста, с доктором Урго. - У Жакетты он спросил:

- Он давно лечил графа?

- Можно сказать, всю жизнь.

- Сколько лет доктору Урго?

- Точно не знаю. Примерно как мне.

- Он еще практикует? .

- Посещает старых пациентов. Его сын открыл кабинет на бульваре Сен-Жермен, в том же доме, на той же площадке.

До самого конца дело это проходило не только в одном квартале, но и среди людей, принадлежавших к одной породе.

- Алло! Доктор Урго? Это комиссар Мегрэ.

Его попросили говорить погромче, прямо в трубку: врач извинился, что стал немного туг на ухо.

- Как вы догадываетесь, я хотел бы задать вам несколько вопросов по поводу одного из ваших пациентов. Да, да, речь идет о нем... Жакетта Ларрье находится у меня в кабинете; она только что заявила, что граф де Сент-Илер покончил с собой. Как?.. Вы ждали, что я приду к вам?.. Вам приходила в голову такая мысль?.. Алло! Да, я говорю прямо в трубку... Она заявила, что уже несколько месяцев у графа де Сент-Илера болел желудок... Я прекрасно вас слышу... Доктор Тюдель, судебный эксперт, который делал вскрытие, удивился, что органы старика в таком хорошем состоянии... Как?.. Вы все время твердили это вашему пациенту?.. А он не верил вам?.. Да... Да... Понимаю. Вам не удалось убедить его... Он отправился к вашим коллегам... Спасибо, доктор... Мне придется еще раз побеспокоить вас, чтобы по всей форме взять показания... Нет, нет! Напротив, это очень важно.

Посуровев, он повесил трубку, и Жанвье показалось, что комиссар взволнован.

- Граф де Сент-Илер, - объяснил он несколько мрачным тоном, - вбил себе в голову, будто у него рак. Несмотря на уверения лечащего врача, он ходил на обследования к самым разным специалистам и всякий раз думал, что от него скрывают правду.

Жакетта прошептала:

- Он всегда так гордился своим здоровьем! Он часто повторял мне, что не боится смерти и готов к ней, но вряд ли вынесет болезнь. Когда он болел гриппом, например, то забивался в свою нору, как больное животное, и едва допускал меня к себе. Все из кокетства. Один его друг много лет назад умер от рака и года два был прикован к постели. Ему делали сложные операции, подвергали различным процедурам, а граф говаривал с нетерпением: "Почему ему не дадут умереть спокойно? Будь я на его месте, я бы попросил, чтобы меня как можно скорее спровадили на тот свет".

Внук Изабель, Жюльен, неточно припомнил слова, произнесенные Сент-Илером за несколько часов до смерти. Ожидая встретить счастливого человека, чья мечта вот-вот сбудется, юноша увидел перед собой озабоченного, встревоженного старика, который явно чего-то боялся.

Юноша по крайней мере поверил ему, именно потому, что ему еще далеко до старости. Жакетта сразу поняла. И Мегрэ, который прошел уже полпути и стоял ближе к старикам, чем к студентам с улицы Ульм, тоже понял теперь: Сент-Илер боялся, что днем раньше, днем позже окажется прикован к постели.

А тут еще старинная любовь, за все пятьдесят лет ничем не омраченная, должна была войти в реальную жизнь.

Изабель, которая видела его только издалека и сохранила воспоминания об их молодости, станет сиделкой, а не женой, познает только отвратительные страдания одряхлевшего тела.

- Вы позволите? - сказал он внезапно и направился к двери.

Он прошел по коридорам Дворца правосудия, поднялся на четвертый этаж и полчаса провел с судебным следователем за закрытой дверью.

Когда он вернулся к себе в кабинет, все трое сидели на своих местах, и Жанвье в нетерпении кусал карандаш.

- Вы свободны, - объявил комиссар Жакетте. - Вас отвезут домой. Или лучше к нотариусу Обонне, где вас ждут. А вас, господин аббат, доставят в ваш приход.

Но в ближайшие дни нужно будет исполнить некоторые формальности, подписать показания. - Он повернулся к Жанвье:

- Займешься этим?

Еще час он провел с начальником уголовной полиции, а потом спустился в пивную "У дофины", где выпил две большие кружки пива прямо у стойки.

Мадам Мегрэ, должно быть, ждала, что он позвонит и попросит не ждать его к обеду, как это часто бывало в середине расследования.

Она удивилась, в половине седьмого заслышав его шаги на лестнице, и открыла дверь в тот самый момент, когда он взошел на площадку.

Он был необычайно серьезен, серьезен и спокоен, но она не решилась расспрашивать, а он крепко обнял ее, не говоря ни слова.

Она не могла знать, что он только что побывал в далеком прошлом, а затем в не столь уж далеком будущем.

- Ну, чем сегодня накормишь? - наконец проворчал он, притворяясь сердитым.

<http://book.zehinli.info>

1960г.